

Луиза Мэй
Олкотт

Маленькие
Женщины

Введение и комментарии
Джона Маттесона

Neoclassic коллекция

Луиза Мэй Олкотт

**Маленькие женщины. Введение
и комментарии Джона Маттесона**

«Издательство АСТ»

1868

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Маленькие женщины. Введение и комментарии Джона Маттесона
/ Л. Олкотт — «Издательство АСТ», 1868 — (Neoclassic
коллекция)

ISBN 978-5-17-180008-6

«Маленькие женщины» — одна из самых популярных книг современности! Роман, впервые опубликованный в 1868 году, переведен более чем на 50 языков и стал основой для множества фильмов, телесериалов, опер и спектаклей. Это трогательная и очень искренняя история о судьбах четырех сестер Марч: добросердечной красавицы Мэг, «сорванца в юбке» Джо, кроткой и нежной Бет и талантливой фантазерки Эми, на которой выросло не одно поколение читателей по всему миру. Настоящее издание романов «Маленькие женщины» и «Хорошие жены» дополнено классическими иллюстрациями Фрэнка Тэйлора Мэррилла, Элис Барбер Стивенс и Джесси Уилкоккс Смит, а также вступительной статьей, биографической заметкой об авторе и подробными комментариями Джона Маттесона, биографа Луизы Мэй Олкотт, которые помогут читателю глубже понять любимый роман и больше узнать о жизни его создательницы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-180008-6

© Олкотт Л., 1868
© Издательство АСТ, 1868

Содержание

Введение	9
«Мы правда так жили... по большей части»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Луиза Мэй Олкотт
Маленькие женщины. Введение
и комментарии Джона Маттесона

Серия «Neoclassic коллекция»

Edited with an introduction and notes by John Matteson

Перевод с английского О. Лемпицкой
Перевод комментариев Е. Абаевой
Стихи в переводе Т. Порошиной
Эпиграф в переводе Н. Сидемон-Эристави

С иллюстрациями Ф. Т. Мэррилла, Э. Б. Стивенс и Д. У. Смит

Печатается с разрешения W.W.Norton & Company
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© John Matteson, 2016

© Школа перевода В. Баканова, 2022

© Перевод, эпиграф. Н. Сидемон-Эристави, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Введение

Маленькие пилигримы

Сестры Марч из «Маленьких женщин», увидев свет раньше Тома и Гека, Джима Хокинса и Дэвида Бальфура, Дороти и волшебника и будучи лишь на три года моложе Алисы Льюиса Кэрролла, в сущности, стояли у истоков современной детской литературы. Мэг, Джо, Бет и Эми, впервые появившимся осенью 1868 года, было суждено породить бесчисленное множество литературных потомков. Редко какая книга для юных девушек – от романов Фрэнсис Ходжсон Бернетт до «Энн из Зеленых крыш»¹ и «Союза „Волшебные штаны“»² – не воздаст должное Луизе Мэй Олкотт, и в особенности Джо Марч, оказавшая большое влияние на литературу для молодых женщин. Это теперь мы знаем, в какое масштабное наследие превратился образ четырех сестер Олкотт – выдуманные персонажи сидят у камина, а Джо ворчит из-за отсутствия рождественских подарков, – но тогда он выглядел незатейливым и почти бесперспективным началом.

Ставшие классическими произведения для детей нередко начинаются со сцен лишений и утрат. В детском романе как жанре сирот в избытке. От Тома Сойера у Марка Твена и Дороти Лаймена у Фрэнка Баума до Мэри Леннокс и Сары Кру у Фрэнсис Бернетт, от Поттера у Джоанн Роулинг до Бодлеров Лемони Сникета, юные герои, так уж получается, часто испытывают острую нехватку родителей. Те же, кому повезло сохранить в целостности и сохранности и маму, и папу, обязательно сталкиваются с кучей других невиданных трудностей: от банд кровожадных пиратов до влияния злобного бестелесного гения. В таком контексте проблемы, которые в «Маленьких женщинах» изначально возникают у Мэг, Джо, Бет и Эми Марч, – отсутствие (надо заметить, временное) отца, какие-то недостатки характеров и проблемы с рождественскими подарками – могут показаться относительно заурядными. А еще очевидно, что в «Маленьких женщинах» нет ни одного персонажа, который хоть сколько-нибудь походил бы на воплощение Вселенского Зла. Четверем сестрам не приходится противостоять ни индейцу Джо, ни Злой ведьме, ни искусственному интеллекту, ни лорду Волан-де-Морту. Злодеи в книге – это завистливые одноклассницы Эми или редактор, который ради жажды прибили советует Джо добавить в произведение побольше кровавой мелодрамы.

Однако, несмотря на столь очевидные препятствия на пути к выигрышу в лотерее «Невзгоды и Напасти», с момента публикации двух частей «Маленьких женщин» в 1868 и 1869 годах произведение жило и процветало. Причин тому была масса, и многие из них связаны с теми особыми чертами, коими обладает классика того времени, но которых столь явно недостает «Маленьким женщинам». Этот роман признает, что многие из наших самых могущественных врагов находятся внутри нас самих, и в жизни с гораздо большей вероятностью от нас потребуется одолевать собственные тщеславие, эгоизм или вспыльчивость, чем сражаться со злыми волшебниками и умерщвлять драконов. Отчасти поэтому роман не теряет своей актуальности. Книга имеет успех еще и потому, что подчеркивает ценность семьи. Причем не рисуя ужасы, что проистекают из-за ее краха, а скорее воспевая счастье, что приходит, когда члены семьи преодолевают разногласия и учатся любить и поддерживать друг друга. А еще, в отличие от многих более поздних классических произведений, отражающих жизнь американских подростков, переход ко взрослой жизни в романе в целом показан оптимистично. Гек Финн сбе-

¹ Montgomery, Lucy Maud “Anne of Green Gables” (1908); на русском произведение известно как «Аня с фермы Зеленые Крыши» (пер. Чернышова-Мельник Н., 2020); «Аня из Зеленых Мезонинов» (пер. Батищева М., 2014), «Энн из Зеленых крыш» (пер. Бернацкая В., 2024). – *Здесь и далее прим. Евгении Абаевой (Е. А.), если не указано иное.*

² Brashares, Ann “The Sisterhood of the Traveling Pants” (2001); на русском языке произведение вышло под названием «Союз „Волшебные штаны“» (пер. Бродоцкая А., 2022).

гает, обнаружив, что ограничения и развращенность цивилизованного общества ему совсем не по душе. Холден Колфилд в романе Дж. Д. Сэлинджера заканчивает свое повествование в психиатрической лечебнице. Согласимся, что порой в «Маленьких женщинах» речь идет больше о страхе взросления, чем о самом процессе. И конечно, болезнь и смерть не позволят Бет Марч стать по-настоящему взрослой. Однако истории трех других сестер заканчиваются пусть и по-разному, но счастливо. Каждая нашла то место и, более важно, ту работу, что позволят жить достойно. Фактически даже гибель Бет можно рассматривать не как уступку смерти, а как трансцендентную победу над ней. Она с мужеством, достоинством и спокойствием встречает свой конец, ее уход – символ, скорее, величия, а не поражения.

Важно понимать две особенности, которые вытекают из счастливого конца романа. Во-первых, Олкотт упорствует в том, что не все истории молодых женщин заканчиваются одинаково. Повествуя о таких разных судьбах Мэг, Джо и Эми, она отважно отстаивает мысль: счастливый конец – тот, на который может рассчитывать взрослеющая девочка, – далеко не один, их множество. В отличие от Мэг, которая находит удовлетворение в роли жены и матери, Джо раскрывает свои лучшие качества, основав прогрессивную школу Пламфилд. Эми, счастливо выйдя замуж за Лори, уделяет большое внимание искусству и благотворительности. Спектр вариантов счастливого конца у Олкотт, будь у нее на то желание, мог бы быть намного шире. Изначально она задумывала прописать для Джо полноценную жизнь в качестве одинокого литератора и уступила, лишь когда в издательстве *Roberts Brothers* ее убедили, что единственный коммерчески выгодный вариант – выдать Джо замуж.

Вторая особенность заключается в том, что ни одна из четырех сестер Марч не находит счастья в том, чего хотела изначально. Ближе к середине первой части, в главе под названием «Воздушные замки», каждая из девушек мечтает о своем будущем. Мэг, материалистка, ревностно грезит о «красивом доме с множеством роскошных вещей, вкусной едой, модной одеждой и хорошей мебелью. Чтобы было много-много денег и приходили приятные гости». Любительница книг Джо мечтает о «конюшне арабских скакунов, о библиотеке, заваленной книгами» и волшебной чернильнице, чтобы ее работам повезло снискать литературную славу. Бет скромно просит лишь «жить дома с папой и мамой» и чтобы «все были здоровы и никогда не разлучались». Эми, начинающая эстетка, хочет «стать лучшей в мире художницей, поехать в Рим и нарисовать прекрасные картины». В конце романа не исполняется ни одно из этих желаний. Жестко отвергается даже робкая до боли мольба Бет о здоровье и единении. Если быть счастливым означает получать то, что хочешь, то, видимо, роман «Маленькие женщины» рисует не мир, где исполняются мечты, а скорее мир, где юношеские желания терпят крах. Но Олкотт представляет счастье более зрело. Сестры Марч, лишившись своих детских фантазий, не плачут. Они обретают мудрость, которая помогает при необходимости принять свою судьбу, и обзаводятся смелостью выстраивать при возможности менее эгоистичные мечты. Они находят счастье не в удовлетворении личных желаний, а в самосовершенствовании и служении другим.

Сестры Марч учатся быть реалистками, но это далеко не все. Даже обстановка, в которой они живут и растут, в отличие от множества других произведений детской классики, реальна без компромиссов. Джо и ее сестры с радостью сбежали бы от бедности и переживаний за судьбу отца, но Олкотт не создает как по волшебству ни страну Оз, ни Неверленд, ни Нарнию, где они могли бы спастись. И то, что этот роман не история о побеге – одна из самых сильных его сторон. Многие книги, которые по праву носят титул детской классики – сразу приходят на ум «Гекльберри Финн» и «Питер Пэн», – основаны на фантазиях о бегстве или избавлении или даже возможности вечно оставаться ребенком. Замечательные мальчишки – центральные персонажи этих книг, если надо, могут занять твердую позицию. Они в состоянии преподавать ни один урок о природе мужества. Но все же чаще они предпочитают сбежать подальше от ответственности, неприятностей, и даже от самой смерти. Мы любим их, хотя бы отчасти, за

то, как гениально они от всего этого уворачиваются, порой благодаря чуду. Но пока многие из последователей Олкотт в детской художественной литературе предлагали решить проблемы героев, заставив тех сбежать в царство волшебства и фантазии, она сохраняет прочный барьер между воображением и действительностью. Мы любим сестер Марч, поскольку они остаются верны своим убеждениям. Иногда девушки все же пытаются сбежать – а именно это происходит, когда они ставят пьесы, читают книги, играют на инструментах или просто забываются в иллюзорных мечтах о будущем – они не теряют ясного понимания, что реально, а что нет. И все же воображаемая реальность играет в «Маленьких женщинах» исключительную роль, и ключ к пониманию развития сестер Марч от периода детства до взрослой жизни заключается в том, как увлечение литературой влияет на интеллектуальный и эмоциональный рост персонажей. Сестры Марч во многом такие, какие они есть, благодаря тому, что они читали.

Чрезвычайно сложно вспомнить детское художественное произведение, в котором количество литературных аллюзий было бы больше, а их диапазон шире, чем в романе «Маленькие женщины». Чтобы в полной мере прочувствовать литературный контекст, в который Олкотт помещает семью Марч, нужно знать как минимум пять-шесть десятков авторов, на которых она либо намекает, либо открыто ссылается, а еще довольно профессионально владеть текстом Библии короля Якова. В мире, где существуют главные герои других классических романов для детей и о детях, часто нет места не только литературе, но даже грамотности. Сестры Марч, и в частности Джо, живут в абсолютно противоположном мире. Неприсяжные домашние постановки девочек стремятся подражать Шекспиру, а семейная газета берет пример с Диккенса. Мэг читает сэра Вальтера Скотта, Джо пересказывает Гарриет Бичер-Стоу, Бет цитирует Исаака Уотса, Эми неуклюже использует сюжеты из греческой мифологии, да и, конечно же, сама Олкотт настойчиво проводит параллель между морально-нравственными сражениями сестер и более масштабными приключениями Пилигрима, описанными Беньяном. Если не принимать в расчет связь «Маленьких женщин» с Беньяном, о чем мы подробно расскажем чуть позже, литературные аллюзии в книге, каждая в отдельности, выглядят по большому счету случайными. У Мэг, по-видимому, нет особых причин читать «Айвенго», а у обожающей искусство Эми – посещать в поездке по Европе дом Гете или любоваться статуей Шиллера в ущерб любимым соборам и галереям. Однако частые литературные аллюзии в итоге дают нечто важное. Начать можно с того, что сестры Марч живут в мире, который сложен из историй. А у историй – по крайней мере тех, что цитирует в романе Олкотт – есть цель и ведущая к ней логика. Жизнь в окружении сюжетов побуждает расценивать свое существование как некий рассказ, изобилующий лейтмотивами, превратностями судьбы и конечными целями, к которым нужно терпеливо стремиться. Тот факт, что сестры Марч погружены в повествование, придает их жизни не только интеллектуальное, но и нравственное содержание. Чтобы жить осмысленно, у них должны быть свои истории, авторами которых являются они сами, ежедневно создавая свои самосбывающиеся, самоподтверждающиеся повествования.

То, что Олкотт вводит в роман литературные отсылки, кое-что говорит и о ее собственном замысле. Даже в самом начале работы над «Маленькими женщинами», полагая, что роман не найдет своего читателя, Олкотт чувствовала, что к нему следует отнести со всей серьезностью, хотя писала она его для юной аудитории. Она умышленно затрагивала самые разные литературные традиции и смело заявляя о принадлежности своего текста к произведениям искусства слова. За несколько поколений до того, как Т. С. Элиот выдвинул это положение в своем эссе «Традиция и индивидуальный талант», Олкотт поняла, что произведение приобретает вес и создает смыслы благодаря связям с произведениями прошлого. К деятельности умов Западной Европы она приобщилась через книги. А с Р. У. Эмерсоном, Г. Д. Торо, Н. Готорном и другими выдающимися умами штата Массачусетс, которые на тот момент составляли значительную часть умнейших людей Америки, даже была знакома лично. В результате в «Маленьких женщинах» представлен грандиозный по масштабу свод разнообразных мыслей и идей,

и он выходит далеко за рамки того круга произведений и писателей, которые могла бы знать юная аудитория Олкотт. Ведь Луиза Мэй воспринимала свое произведение как первый шаг на пути к большим высотам и не готова была встречаться со своими читателями в той точке, до которой они уже дошли. Ребенок, читающий ее роман, вполне может полюбопытствовать, чем занимались те авторы, которыми восхищается Джо. Роман «Маленькие женщины» – в своем роде чудо. Но горизонты, которые он открывает, еще чудеснее.

Хотя роман разделили на две части: «Маленькие женщины» и «Хорошие жены», Олкотт на самом деле задумывала три. При написании каждой части ею двигали разные мотивы, и понимание этих сменяющихся задач – ключевой фактор при разгадке еле заметных сдвигов в смысловом наполнении романа. Когда Олкотт работала над первыми двенадцатью главами, она не рассчитывала, что книга будет иметь успех. Напротив, она возлагала весьма ничтожные надежды на свою рукопись, которую писала скорее для того, чтобы угодить редактору Томасу Найлзу, чем мечтая понравиться широкой аудитории. Олкотт впоследствии заявила, что первую дюжину глав написала лишь для того, чтобы доказать Найлзу свою несостоятельность в качестве автора книги для девочек. Если поверить ей на слово, то именно в этих главах ее меньше всего заботило то, что подумает о произведении читающая публика. Отчасти полагая, что рукопись закончит свой путь в столе редактора, она, по всей видимости, писала, не ощущая потребности кому-то понравиться³.

Вторая часть книги – оставшиеся главы, которые вошли в опубликованную первую часть, – писалась уже с иными задачами. К тому моменту Найлз показал первые двенадцать глав своей племяннице, и та нашла их увлекательными. В итоге редактор убедил начинающую писательницу не бросать. Вдохновившись его горячим интересом, Олкотт стала выдавать главу за главой и завершила первую часть за считанные недели, хотя «голова раскалывалась от переутомления». Теперь книга явно представляла собой коммерческую затею... высокого качества, сомнений нет, просто с чуть большим расчетом на целевую аудиторию. Когда Олкотт писала вторую часть, ту, что увидела свет в 1869 году и которую чаще знают под названием «Хорошие жены», мотивы, что ею двигали, вышли по своей многоплановости на новый уровень. С одной стороны, восторг, с которым публика приняла первую часть, вселил в Олкотт небывалую уверенность в собственных силах. Так, первого ноября, в тот день, когда она взялась за продолжение, Олкотт написала: «Небольшой успех, но он так окрыляет, что теперь я вижу: семейство Марч – благоразумные и порядочные люди, и, поскольку я могу с энтузиазмом пуститься в будущее, воображение получает больше свободы». Убежденность в том, что за заключительной частью «Маленьких женщин» читатели выстроятся в очередь, помогла ей ощутить, что можно творить смелее. Хотя мысль о том, что теперь нужно угодить публике, тяготила.

Сменяющиеся задачи при написании книги, которая в результате стала романом «Маленькие женщины», не прошли даром, их последствия заметны в самом тексте. Первая дюжина глав, которые, как ни парадоксально, Олкотт изначально считала скучными, описывают одни из самых ярких и запоминающихся во всем романе событий. Именно здесь девушки выходят на самодельную сцену в пьесе «Заклятие ведьмы»; здесь Эми – из-за недосмотра рассерженной Джо – проваливается под лед; здесь модные локоны Мэг, павшие жертвой неумелого обращения с горячими щипцами, растворяются как дым; и здесь Бет справляется и со своей робостью и покоряет сердце старого мистера Лоуренса. Именно эти главы, сочиненные без особой надежды на успех, Олкотт писала почти не испытывая давления. Рассказ ведется просто и бесхитро, что прелестно вторит неискренности самих сестер Марч – некоей наивности, которая постепенно испарится по мере того, как девочки будут все больше познавать этот мир. Складывается ощущение, будто Олкотт сочиняла эти главы ради личного удоволь-

³ К сожалению, нам не дано узнать, вносил ли Найлз правки в первые двенадцать глав романа, когда понял, что в его руках оказался предпологаемый бестселлер, и если вносил, то в какой степени.

ствия, щедро вплетая воспоминания о своей юности в самые яркие нити своего воображения и наполняя все нравственным здравомыслием, что приходит к людям, которые оглядываются назад на свои молодые годы.

Первые двенадцать глав «Маленьких женщин» относятся к числу самых совершенных творений Олкотт, но это еще не совсем роман. Каждую из глав можно читать по отдельности, словно серию рассказов, обладающих лишь условной связью. Если их что-то и объединяет, так это вопрос: будут ли девочки вести себя достаточно пристойно, чтобы не посрамить своего вернувшегося отца? Идея интересная, хотя, пожалуй, не слишком яркая, чтобы на ней построить целую книгу. Скорее всего, чувствуя, что задуманному не хватает связности, Олкотт создала видимость общего направления, вживив свои рассказы в уже существующую структуру, дополнив сквозными отсылками к «Путешествию Пилигрима» Беньяна. Очевидно, что лишь после того, как Томас Найлз пересмотрел свое мнение о произведении, Олкотт стала глубже задумываться о том, как превратить «Маленьких женщин» в многогранное, но единое целое. Уже в тринадцатой главе «Воздушные замки», видны изменения. В этой главе Лори и сестры Марч начинают заглядывать, пусть и в форме мечтаний, чуть дальше завтрашнего дня. За исключением скромных желаний Бет, которая мечтает лишь о том, чтобы жить в своем доме и заботиться о родителях, цели других сестер чрезмерно несбыточны. Но в этом и вся прелесть. На самом деле никто не ждет, что Эми станет величайшей художницей в мире, а Джо достанется волшебная чернильница. Но даже самые дерзкие мечты все же раскрывают толику правды о тех, кто мечтает. Именно поэтому – причем гораздо яснее, чем раньше, – мы видим, что и Мэг, и Джо, и Эми полны амбиций. Глава «Воздушные замки» выдвигает на передний план несколько ключевых вопросов. До какой степени каждая из этих девушек сможет, если сможет в принципе, реализовать свое идеальное видение себя? И как далеко готова зайти Олкотт, которая по максимуму наделила девочек столь трогающими за душу желаниями, позволяя им осуществить эти порывы?

Эти вопросы особенно интересны читателям, которые почувствовали некоторое напряжение еще с самого начала романа. С того момента, как девочек попросили пожертвовать свои рождественские завтраки бедному семейству Хаммел, их постоянно вынуждали выбирать: исполнять свой долг перед другими людьми или удовлетворять собственные эгоистичные желания. Кажется, заранее predetermined, что от таких бедняжек, как сестры Марч, требуют жертв и в дальнейшем, что им придется отказаться не только от праздничной еды, но и от своих самых заветных желаний, от самых сокровенных мечт. Отныне и впредь сестры Марч должны не просто угождать своим родителям, их задача становится намного сложнее. Им придется приспособивать свою жизнь, жизнь уже повзрослевших девушек, чтобы она соответствовала чужим ожиданиям, и при этом выстраивать ее так, чтобы она удовлетворяла их самих. Свои мечты девочки разглашают в злополучной тринадцатой главе, что может послужить смутным предзнаменованием для тех, кому нужно заблаговременно намекнуть, как именно может пойти соперничество между «я» и «другие люди». Именно в этот момент история девочек Марч приобретает столь необходимые для романа форму и направление развития. В какой-то мере именно в этой главе их история обретает смысл.

А еще во второй половине первой части кажущиеся далекими ужасы Гражданской войны обретают реальные черты. До сих пор война служила сюжетным приемом, благодаря которому мистер Марч находился за кулисами основного действия. В пятнадцатой главе приходят новости о его болезни на фронте, это говорит о том, что Олкотт стала размышлять о потенциальной аудитории своего произведения. Луиза Мэй часто опровергала, что писала ради заработка, она сочиняла произведения, которые должны были придавать ее молодым читателям сил и указывать жизненные ориентиры, и к этой своей обязанности подходила серьезно. Для Олкотт роман стал прекрасной возможностью передать опыт и подсветить вопрос, который имел для нее и ее аудитории огромное значение. Когда первая часть романа вышла в свет, с момента окончания

войны прошло менее трех с половиной лет. Телеграммы, подобные той, что получила миссис Марч, часто с еще более мрачными новостями, наводнили всю страну. Да и сами Олкотты получили аналогичную телеграмму по поводу Луизы: в январе 1863 года, работая медсестрой в госпитале Джорджтауна, Луиза едва не умерла от тифозной пневмонии. Война унесла сотни тысяч мужчин, оставив без отцов таких же Мэг, Джо, Бет, Эми, число которых останется неизвестным, видимо, навсегда. И безусловно, разделить горе своих читателей в романе – одно из лучших применений, которое Олкотт могла бы найти для своего произведения. Тем, у кого есть свой мистер Марч, который никогда не вернется домой, у нее было что сказать о том, как продолжать жить дальше, не теряя твердости духа, хотя семья разрушена. Уже в начале романа Джо свойственна активная гражданская позиция: в первой главе она вяжет носки для солдат Союза. Во второй половине первой части Джо продает свои волосы, чтобы «обеспечить папу всем необходимым, и чтобы он вернулся домой», это была далеко не простая жертва; здесь можно провести аналогию, Олкотт тоже потеряла свои волосы: их сбрили, пока она пыталась выжить, сражаясь с болезнью, которую подхватила в больнице. Многие люди в годы войны приносили подобные жертвы и находились в подавленном состоянии, считали себя уродливыми или нелюбимыми, поэтому поступок Джо стал для них впечатляющим жестом солидарности.

Когда Олкотт готовилась к написанию второй части «Хорошие жены», она была в легком возмущении от реакции своих читателей. Оказалось, людям вовсе не нужно, чтобы ее тексты укрепляли их моральные устои, напротив, они не скрывали своих консервативных взглядов на роль женщины в обществе. Основным источником раздражения для Олкотт стали письма поклонников (непомерное их количество) с общим лейтмотивом. Ее молодые читатели восторгались первой частью и не могли дождаться второй, в которой – похоже многие считали неизбежным – Джо выйдет замуж за Лори.

Одна только мысль об этом возмутила Олкотт. Писательница отождествляла себя с Джо, и предположение поклонников, что единственный возможный счастливый конец для ее героини – вступить в брак, не просто оскорбляло твердую веру Олкотт в женское равноправие, но и намекало, что личное счастье незамужней Олкотт было бы более истинным и полным, если бы у нее был муж. Луиза Мэй купалась в читательском обожании и вместе с тем метала громы и молнии по поводу людской ограниченности. «Девушки в письмах интересуются, за кого выйдут замуж маленькие женщины, словно это единственная цель и смысл жизни женщины, – ворчала она. – Я не стану выдавать Джо за Лори, лишь бы кому-то угодить». Но издательство *Roberts Brothers* настаивало на том, «чтобы женили и выдавали замуж всех и вся». Требование подобрать супруга для Джо приводило Олкотт в отчаяние. Она понимала, что из-за своих принципов может лишиться продаж, поэтому в конце концов Олкотт согласилась. Писательница использовала юмор, к которому часто прибегала, когда жизнь становилась слишком сложной, чтобы разбираться с проблемами с серьезным лицом. «Из-за упрямства» и во многом вопреки своим личным желаниям она состряпала профессора Баэра, ловко придумав «смешную партию»⁴ для Джо. Но такой компромисс все равно раздражал. Когда остроумная подруга предложила назвать вторую часть романа, посвященную замужествам, «Свадьбы Марчей», это не очень повеселило Олкотт.

Спор о том, должна ли Джо выйти замуж за Лори и должна ли выходить вообще, демонстрирует, что текст романа стал предметом борьбы и переговоров, затрагивавших личный замысел Олкотт, отношения с издателем и чувство долга перед читательской аудиторией. Прежде чем взяться за вторую часть, Олкотт поведала одному репортеру, что она с радостью писала бы лишь «такого рода истории», но это невозможно, поскольку этот жанр «оплачивается хуже мусорного чтива». Правда, последующие месяцы и годы, доказавшие, что этот жанр действительно может приносить деньги, поубавили ее расположения, даже наблюдалась отсра-

⁴ Louisa May Alcott to Elizabeth Powell, March 20, 1869, *The Selected Letters of Louisa May Alcott*, p. 125.

ненность Олкотт. К 1878 году она совершенно изменила свое мнение. «Мне не нравится писать “нравоучительные романы” для подростков, – признавалась она, – я занимаюсь этим, поскольку мне хорошо платят». До самых последних дней Олкотт надеялась почувствовать себя достаточно финансово независимой, чтобы писать то, что хочет сама, а не то, что купит читатель. И хотя по богатству и славе она не уступала ни одному американскому автору того времени, эту уверенность она так и не почувствовала. Ей не удалось сгладить повсеместно распространенное противоречие между устремлением автора и запросом общества. Как и в душах созданных ею персонажей, авторские желания боролись со вкусами и ожиданиями других людей.

Помимо дискуссий о замужестве Джо, остались весьма скудные письменные свидетельства, по которым сложно судить как еще Олкотт могла изменить концепцию книги в угоду своей аудитории. Впрочем, справедливо будет отметить, что «Маленькие женщины» стали воплощением того, какой Америка конца 1860-х годов хотела бы себя видеть на страницах литературного произведения, и что Луизе Мэй Олкотт удалось прекрасно показать свой писательский талант. Книга демонстрирует поразительный баланс между реформаторским видением будущего страны и умением утешить читателя. «Маленькие женщины» призывают к скромности и умеренности, отстаивают необходимость поддержки освобожденных рабов и пропагандируют благотворительную деятельность любого рода; роман явно стремился подтолкнуть страну к пути гуманизма и добродетели. Роман показывал, что семья – это прочная и непоколебимая основа общества. В последней главе романа Джо произносит слова, которые в принципе являются кульминацией всего, что хотела сказать читателю Олкотт: «Семья – самая прекрасная вещь на свете!» Однако писательница тут же добавляет, что Джо высказалась, будучи на тот момент «в особенно приподнятом расположении духа». Олкотт прекрасно понимала, что такая оптимистичная точка зрения Джо не всегда оказывалась верной. Причем не только для Джо, но и для самой Луизы Мэй. Мечты многих из нас создать прекрасную семью рискуют не сбыться, и Олкотт, конечно, об этом знала. Те, кому посчастливилось, возможно, согласятся с героиней, остальные же прочитают ее слова с ощущением жестокой иронии. Писательница в своем произведении говорит о возможных, хотя и труднодоступных, чудесах любви и единения, в тусклом, но неослабевающем свете надежды, читатель мечтает, что и ему удастся походить на членов семейства Марч, просто нужно прилагать больше усилий, быть терпимыми к недостаткам друг друга.

Олкотт писала не только чтобы вдохновлять и подбадривать. На страницах своего произведения она хотела выразить себя или, точнее, себя в юности. Через Джо она хотела показать свой дух, без налета такта или блеска приличия. «Маленькие женщины» – это прежде всего роман, а не мемуары, и в нем содержится множество сцен и персонажей, которые до его выхода существовали исключительно в воображении Олкотт. Но в то же время писательница считала Джо своеобразной модификацией себя. В своих письмах, написанных уже после «Маленьких женщин», она порой намеренно стирала грань между правдой и вымыслом, упоминая членов своей семьи под именами их вымышленных соответствий. А еще опубликовала сборник рассказов с названием «Сумка для мусора тети Джо», которому дала свое авторство. Подобное отождествление усиливается в последнем томе тетралогии «Маленькие мужчины выросли», в котором уже степенная Джо неожиданно становится богатой и знаменитой, написав книгу, которая в действительности является «Маленькими женщинами»: «Наспех сочиненный рассказ, отосланный в издательство со слабой надеждой на несколько долларов, нежданно-негаданно поймал попутный ветер, обзавелся мудрым рулевым, доплыл до гавани всеобщего одобрения и вернулся домой груженный золотом и славой»⁵.

⁵ «Маленькие мужчины выросли» (пер. Шурупова Е., 2024).

Получается, Олкотт создает чарующую иллюзию цикличности: взрослая Джо выписывала себя с первой страницы «Маленьких женщин», а вся тетралогия⁶ оказывается вымыслом, который создала автор, сама являющаяся вымыслом. Если принять остроумную задумку Олкотт, то у Джо в «Маленьких женщинах» два голоса: искренняя, несдержанная, юная Джо Марч и рассказчица, чей голос представляет точку зрения взрослой женщины, которой героиня впоследствии станет. Таким образом, в романе проявляется своего рода двойное повествование.

⁶ Российскому читателю привычнее, что романы про сестер Марч называются тетралогией: «Маленькие женщины», «Хорошие жены», «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины выросли», но на родине писательницы первые две части зачастую выходят в одном издании. – *Прим. ред.*

AUNT JO'S SCRAP-BAG.

SHAWL-STRAPS.

BY LOUISA M. ALCOTT,

AUTHOR OF "LITTLE WOMEN," "AN OLD-FASHIONED GIRL," "LITTLE MEN,"
"HOSPITAL SKETCHES."

BOSTON:

ROBERTS BROTHERS.

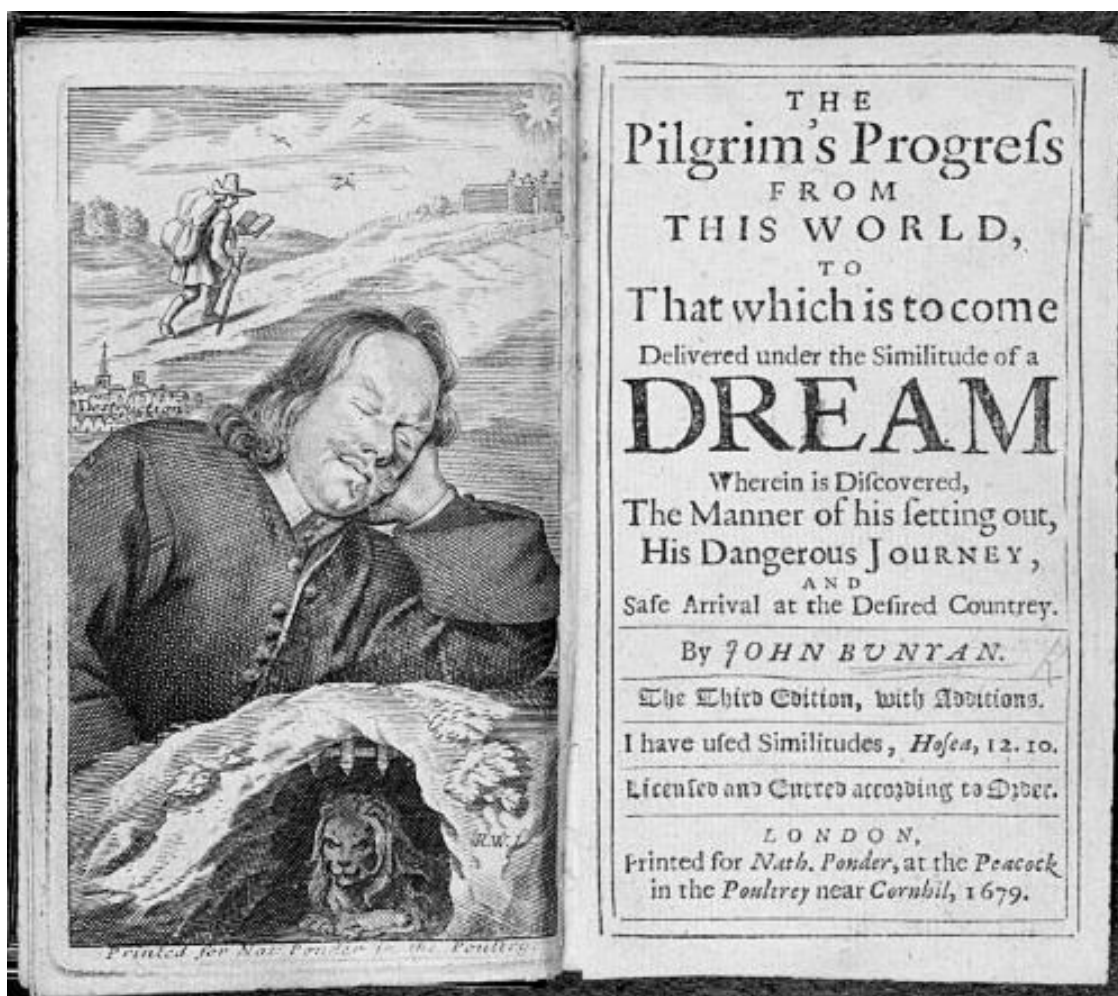
1873.

Олкотт была не только любимым автором, но и опытным маркетологом, поэтому редко позволяла праздничному сезону проходить без новой книги; таким образом она готовила

подарки своим поклонникам. Сборники рассказов из серии «Сумка для мусора тети Джо» часто оказывались под рождественской елкой

Между Джо-повествовательницей и той Джо, которая на протяжении большей части романа с гордостью несет свою любовь к крепким словечкам, мальчишескому поведению и другим вольностям, – целая пропасть и в манерах, и в жизненном опыте. Рассказчица Джо, чрезвычайно осведомленная женщина средних лет, которая регулярно делает отступления для читателя, отвечает не только за структуру повествования, но и за его моральную сторону. Когда надо истолковать складывающуюся ситуацию с этической точки зрения, мы полагаемся на ее мнение, а еще на мнение миссис Марч (Марми⁷). Получается, рассказчица Джо устанавливает порядок, а Джо помоложе тут же его нарушает. Юная Джо, хоть ей и недостает мудрости своей взрослой версии, прекрасно понимает саму себя и откровенно высказывается. А еще она знает то, к чему рассказчица может дотянуться только в воспоминаниях: каково это – быть молодой, нескладной, каково это – с опаской ждать взросления. Взрослая Джо своим опытным умом придает истории законченный вид; юная Джо своей телесной энергией и душевной откровенностью вдыхает в нее жизнь. В последующих романах «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины выросли» разрыв в возрасте и жизненном опыте между Джо-персонажем и Джо-писательницей неминуемо сокращается. И если последние две книги тетралогии кажутся менее убедительными, чем первая, то во многом благодаря тому, что два голоса – молодой и его старший собрат – постепенно сливаются, и напряжение между двумя Джо по понятной причине испаряется.

⁷ См. примечание к первой главе. – *Прим. Е. А.*

Бронсон Олкотт считал «Путешествие Пилигрима» одним из своих «верных спутников» и часто читал это произведение своим дочерям вслух. Луиза умышленно взяла книгу за основу для романа «Маленькие женщины»

Мы уже вскользь упоминали, что Олкотт использовала «Путешествие Пилигрима» Беньяна как своего рода матрицу, чтобы выстроить сюжет «Маленьких женщин». И в романе Олкотт, и в аллегорическом повествовании Беньяна речь идет о морально-нравственной трансформации. Рассказчик Беньяна пересказывает свой сон о Христианине, который, терзаясь предчувствием ожидающей всех грешников гибели, оставляет жену и детей в погоне за праведностью. Беньян рисует стремление Христианина к очищению как физическое путешествие. Испытания и соблазны, с которыми сталкивается герой, изображены либо как физические места (депрессия становится Топью Уныния; похоть и жадность искушают его на Ярмарке Суеты), либо как ужасные монстры (Христианин борется с яростью, предстающей в образе великана Аполлиона, при этом он должен игнорировать советы ложных друзей – Робкого и Недоверчивого). В компании отважных товарищей – Верного и Уповающего – Христианин наконец добирается до Небесного Града. Каждая из сестер Марч, и это хорошо известно, с начала романа обладает неким узнаваемым недостатком, который ей предстоит преодолеть. Мэг борется с тщеславием; Джо пытается обуздать свой нрав; Бет стремится преодолеть застенчивость; а Эми шаг за шагом учится быть менее эгоистичной. Каждый раз Олкотт связывает внутреннюю борьбу с эпизодами из текста Беньяна через названия глав: «Мэг на Ярмарке тщеславия»; «Джо встречает Аполлиона»; «Бет в Украшенном Чертоге» и «Эми в Долине Уничтожения». Хотя присутствие Беньяна особенно сильно ощущается на страницах первой дюжины глав, которые Олкотт набросала по просьбе Найлза, этот лейтмотив глубоко укоренен в романе:

название главы «Приятные луга», в которой мистер Марч возвращается домой, также позаимствовано у Беньяна, а глава, повествующая о кончине Бет, «Долина смертной тени»⁸, является отсылкой как к Беньяну, так и к [английскому⁹] тексту Псалма 23. Ставка Олкотт на «Путешествие Пилигрима» не была чем-то случайным, чем-то огульным. Произведение Беньяна было прочно вплетено в историю ее семьи и очень рано дало ей осознать, какое влияние на человеческую жизнь может оказать одна-единственная книга.

Отец Луизы, Бронсон, сын необразованного фермера, обучился грамотности в доме без книг. Правда, он очень стремился к знаниям и потихоньку собирал библиотеку из книг, которые были не нужны соседним фермерам. Раз за разом он брал экземпляр «Путешествий Пилигрима» у любезного кузена и заучивал наизусть любимые отрывки. Он называл творение Беньяна своей «любимой, восхитительной книгой» и говорил, что «видение сновидца ярко и живо познакомило меня с самим собой лучше, чем любой другой гениальный труд, лучше, чем все иные книги». Бронсон необычайно рьяно проникся содержащимся в книге духовным посланием – посланием, которое подчеркивало, что на пути к спасению человека ждут тяготы и лишения, по этому пути нельзя пройти, предаваясь земным радостям, как нельзя спастись, если следуешь чужим, пусть и положительным, воззрениям. Так Бронсон впитал глубокую настроенность к материальным искушениям наряду с твердым сопротивлением общественному мнению. А еще он верил, что был послан на землю, чтобы развить до высочайшего совершенства умы и души окружающих его людей. Став отцом, Бронсон читал своим детям отрывки из «Путешествия Пилигрима» так же часто, как раздавал им коврижки. Всю свою карьеру учителя он постоянно внушал своим юным подопечным Беньяновские ценности святой общины и самоотречения. А когда в 1839 году эта карьера внезапно завершилась, он с удвоенной силой принялся обучать милосердию и личному аскетизму собственных детей. Самоограничение Бронсона достигло наивысшего предела в 1843 году, когда семья Олкотт стала основателем веганской аграрной общины «Фрутлендс», где, по словам Бронсона и сооснователя общины Чарлза Лейна, законы жизни можно было выразить одним словом: «Воздерживайся». Влияние книги «Путешествие Пилигрима» было велико. Одиннадцатилетняя Луиза пишет в дневнике, что отец читал вслух отрывки из этой книги, называла сочинение Беньяна любимым и переписывала из него строки. Ближе к концу эксперимента Бронсон Олкотт предположил, что терпящую крах общину «Фрутлендс» можно спасти, разделившись по половому признаку: его ждет один путь, а жену и детей – другой. Весьма вероятно, что такое решение было отчасти продиктовано отречением Христианина от своей семьи.

⁸ В тексте Олкотт мы видим “The Valley of the Shadow”, в оригинальном тексте Беньяна: “Valley of the Shadow of Death”. – Прим. Е. А.

⁹ Эта отсылка считывается только в английском языке. См.: Yea, though I walk through *the valley of the shadow of death*, I will fear no evil: for thou art with me; thy rod and thy staff they comfort me (Psalm 23:4; KJV). В синодальном переводе она теряется: «Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно» (ПС. 23:4; Синодальный перевод). – Прим. Е. А.

Олкотты провели большую часть 1843 года в общине-поселении «Фрутлендс» недалеко от Гарварда, штата Массачусетс, поставив тем самым смелый, но непродуманный эксперимент по совместной жизни. Вместо поисков трансцендентности их ждали лишения, а единство было поставлено под серьезную угрозу

Община не выстояла. Зато значение «Путешествия Пилигрима» для семьи Олкотт осталось непоколебимым. Бронсон Олкотт все так же воспринимал жизнь через призму любимого текста. Да и для самой Луизы ничто иное из литературы не оказалось столь очевидно доминирующим фактором. Шекспир, Скотт, Шарлотта Бронте и Диккенс – у всех были огромные притязания на разум писательницы, и тот факт, что в романе «Маленькие женщины» упоминается более шестидесяти авторов, свидетельствует о богатстве ее литературного рациона. Однако, если бы не Беньян, «Маленькие женщины» могли бы вообще не появиться, и нам нужно понять почему – помимо осязаемого присутствия этого автора в воспитании самой Олкотт – его власть оставалась для нее столь значима.

Начать нужно с того, что в конце 1860-х годов «Путешествие Пилигрима» входило в англо-американский культурный лингва франка. В 1866 году Филип Филлипс опубликовал в Цинциннати сборник песнопений под заголовком «Поющий Пилигрим» или «Путешествие Пилигрима в песнях». Марк Твен дал своей книге 1869 года «Простаки за границей» подзаголовок «Путешествие нового Пилигрима»¹⁰. В том же году английская писательница Мэри Годольфин¹¹ опубликовала детское издание произведения Беньяна под названием «Путешествие Пилигрима в односложных словах»¹², а Эбенизер Портер Дайер внес свой вклад в литературу, выпустив книгу «Путешествие Пилигрима в стихах». Эссе и лекции лились рекой, а чтобы посчитать все новые издания оригинала, потребовались бы усилия отдельного библиографа, причем с упорным характером. Привязав семейную драму «Маленьких женщин»

¹⁰ В классическом переводе название произведения Марка Твена "The Innocents Abroad or the New Pilgrims' Progress" известно как «Простаки за границей, или Путь новых паломников», пер. Гурова И.Г., Облонская Р.Е. (первый перевод предположительно 1959 г.). – *Прим. Е. А.*

¹¹ Один из псевдонимов известной английской писательницы Люси Эйкин. – *Прим. Е. А.*

¹² Сама автор считала, что ее версия подходит не только для детей, но и для взрослых, которые находятся в самом начале процесса знакомства с чтением. – *Прим. Е. А.*

к духовным исканиям, описанным в «Путешествии Пилигрима», Олкотт сразу выстроила общую основу понимания и для себя, и для своих читателей.

Другая причина, по которой Олкотт опиралась на «Путешествие Пилигрима», носила более личный характер: Луиза смогла выдвинуть на передний план принципы, по которым жил ее отец, оставив его противоречивую личность на заднем. У Олкотт мастерски получилось создать вымышленные альтер эго для матери и сестер, при этом она изо всех сил старалась представить отца в том свете, в котором сама желала. В личном общении она реагировала на его зачастую непостижимые чудачества с изрядной долей юмора. Но такое обращение, которое в личном диалоге ощущалось как добродушное подшучивание, на страницах романа могло бы выглядеть осмеянием, а Олкотт совсем не хотела выставлять отца на посмешище. К тому же Бронсон Олкотт во многих кругах был известной фигурой. И если бы его вымышленная версия оказалась в центре действия, возникли бы риски излишне отвлечь внимание от основной сути истории. В 1868 году Олкотт планировала написать еще один роман, уже для взрослых, посвященный исключительно событиям из отцовской жизни, и назвать его «Цена идеи». Было бы неправильно использовать в «Маленьких женщинах» материал, который она прибегала для этого проекта и который, как ни прискорбно, так и не смогла завершить. Поэтому Олкотт решила практически полностью спрятать мистера Марча от людских глаз, отправив его на войну на страницах первой части, а затем фактически забаррикадировав в кабинете на страницах второй. Она так ревностно скрывала от всех главу семьи Марч, что, вернувшись с фронта, он первым делом «становится невидимым» в объятиях своей семьи.

Однако Олкотт не хотела выпускать из виду ценности своего отца: любовь к самопожертвованию, преодоление мирских желаний и веру в то, что цель жизни – духовное очищение. Ключевым средством и стало использование в качестве лейтмотива «Путешествия Пилигрима». Подмечая и адские испытания, и заоблачные способности человека, творение Беньяна выступает как отцовская книга: книга, которая обучает, склоняет, задает высокую планку и требует от своих воспитанников лучшего. В этом она похожа на самого Бронсона Олкотта. А еще этим же она напоминает «Маленьких женщин».

Но истинное искусство Олкотт заключается в том, какие отличия с беньяновским текстом, а не сходства имеются между этими двумя произведениями, или, точнее, какие конкретные отличия имеются внутри этих сходств. «Путешествие Пилигрима», как и «Маленькие женщины», вышло в двух частях. В первой части метафорический верующий Христианин оставляет свою жену Христиану с четырьмя детьми в их доме в Городе Разрушения и отправляется навстречу приключениям ради спасения своей души и поиска пути в Небесный Град. Вторая часть, опубликованная спустя шесть лет, разрешает проблематичную недосказанность: что все-таки стало с семьей Пилигрима, брошенной на произвол судьбы в месте, которое, и к этому нас всячески подводили, вскоре истребит небесный огонь? Христиана с сыновьями вовсе не оказались уничтожены, как было обещано, они решили последовать за своим мужем и отцом. Пройдя тот же путь невзгод и искушений, и они получают спасение душ. Однако в этом случае автор, очевидно сомневаясь в том, что женщина с детьми может самостоятельно пройти весь путь, обеспечивает Христиану и ее отпрысков проводником и защитником, Духом Твердости, который дает им моральные наставления, по пути ловко умерщвляя парочку драконов.

Большая часть того, что Олкотт переносит из Беньяна в «Маленьких женщин», относится к первой части «Путешествия Пилигрима». Однако стихотворение, которое она адаптирует в качестве предисловия к роману, взято из начала второй части. И именно из второй части Олкотт черпает основную мысль для «Маленьких женщин»: морально-нравственное развитие матери и ее четверых детей в отсутствие главы семьи-мужчины. Искусно разрабатывая собственную историю об освобождении, Олкотт принимает лишь пару-тройку из беньяновских допущений о том, как именно следует совершать это путешествие. А остальные, наоборот,

оспаривает и даже переворачивает с ног на голову, формулируя тем самым гораздо более прогрессивную концепцию человеческого духа.

Описание детства у Олкотт разительно отличается от беньяновского. Все дети Христианы – мальчики. В конце концов Беньян даже удосуживается их назвать – Матфей, Самуил, Иосиф и Иаков, – но почти до второй трети второй части дети остаются безымянными. И хотя Иаков демонстрирует чуть более быстрое восприятие на духовном уровне, чем его старшие братья, в целом мальчики ничем не отличаются по характеру. Беньян, честно намереваясь спасти души сыновей Христианы, был абсолютно не заинтересован в их изучении. И хотя он описывает порядок рождения мальчиков, их возраст не уточняется; и вырастают эти дети поразительно быстро. В начале второй части Иаков с братьями кажутся совсем маленькими. К концу путешествия, которое завершилось, по-видимому, за считанные недели или месяцы, они уже достаточно взрослые, чтобы жениться и даже изредка помогать Духу Твердости убивать великанов. Жены мальчиков интересуют Беньяна еще меньше. Особняком стоит лишь невеста Матфея, Любовь; она была спутницей Христианы с самого начала путешествия и часто давала по поводу разворачивающихся действий вдумчивые комментарии. Оставшимся трем пожаловали имена, но отказали даже в намеке на личность; они выступают лишь в роли жен. Мы слышим об их добродетели и плодовитости. В остальном же узнаем только, что «каждая исполняла свою обязанность с самозабвением»¹³.

Для самой Олкотт также было важно исполнять свою обязанность с самозабвением, но этого часто было недостаточно. Более того, ее понимание обязанности во многом было заметно более свободным, чем у Беньяна. За пару месяцев до начала работы над «Маленькими женщинами» Олкотт опубликовала эссе под названием «Счастливые женщины», некую реакцию на страх превратиться в старую деву, который, по ее мнению, бесконечно терзал женщин того времени. Олкотт раскритиковала эту тревогу как глупый предрассудок и рассказала о ее знакомых четырех женщинах, которые обрели удовлетворение, не найдя и даже не особенно усердствуя в поисках мужа. Четыре описываемые Олкотт личности нашли свое предназначение в качестве врача, учителя музыки, миссионера и, как и следовало ожидать, писательницы. Раз за разом Олкотт аргументированно доказывала, что жизнь, посвященная «благотворительности, искусству, литературе, музыке, медицине или любой другой задаче», может быть столь же достойной и полноценной, как и жизнь, отданная мужу. Олкотт настаивала, что «в этом мире полно работы, для которой нужны все имеющиеся в наличии умы, сердца и руки». Свойственная писательнице практичность янки и отвращение к расточительству не допускали иного вывода. В то время как Беньян полагал, что спасение – удел лишь избранных, Олкотт утверждала, что счастье – «право всех и каждого». А достигнуть его можно, используя свои таланты на благо общества.

Тот же принцип считывается и в тексте «Маленьких женщин». В отличие от невесток Христианы, сестры Марч имеют не одну обязанность, не одно свое место, а много, и Олкотт старается не делать между ними различий. Хотя женщина двадцать первого века может посчитать, что те жизненные дороги, которые избрали Джо и Эми, более интересны и заманчивы, чем дороги Мэг и Бет – более ориентированных на дом, Олкотт совсем не хотелось выносить подобных суждений. Когда в своем дневнике она назвала Лиззи Олкотт, реально существующий прототип Бет, «наш домашний ангел», в этом ощущалось глубокое уважение, а не сарказм. А выбор Анны, альтер эго Мэг, жить спокойно, исполняя роли жены и матери, вызывал у писательницы легкое чувство зависти. «Своих детей я продаю, и пусть они меня кормят, но не любят так, как любят ее [Анну] дети» – так метафорически писала Олкотт о своих произведениях. В своих нехудожественных текстах Олкотт называла домашние обязанности

¹³ Здесь и далее в переводе Юлии Денисовны Засецкой (Ю. Д. З., 1835–1882) – русской благотворительницы и переводчицы религиозной литературы. – Прим. Е. А.

«самыми милыми узами женщины». Однако, когда миссис Марч желает в «Маленьких женщинах» «достойных и любящих избранников – ведь для женщины нет большего счастья», не стоит полагать, что Олкотт с этим полностью согласна. Даже для миссис Марч, чьи суждения относительно места женщины несколько более консервативны, чем у Олкотт, счастье и полезность значат больше, чем выполнение предписанной роли. «Лучше счастливая старая дева, – предостерегает она девочек, – чем несчастная жена».

У этой разницы в понимании значимости места есть и еще один, более ироничный подтекст. Вторая часть «Путешествия Пилигрима» посвящена, казалось бы, спасению менее важных обитателей домохозяйства, лишённого прежнего хозяина, при этом единственное место, где женщина, которая стремится себя спасти, не должна оставаться – дом в его физическом воплощении. Дом, откуда сбегает Христиана с детьми, – это место, где ее точно ждет гибель. Беньян, как и всегда, аллегоричен; он хотел навести на мысль о том, что следует остерегаться ситуации, когда человеку во грехе комфортно и уютно. В то же время движение у Беньяна – это уход от привычного, к которому праведник и не думает возвращаться. Беньян, в принципе не доверявший человеческим институтам, вряд ли мог поверить в спасительную силу даже такого базового института, как семья. В «Маленьких женщинах», где морально-нравственные путешествия требуют как самопознания, так и самоочищения, траектории физического перемещения могут быть намного мудренее. Очаг, дом и комфортные условия не являются смертельными ловушками с моральной точки зрения, какими они представляются в «Путешествии Пилигрима». Напротив, дом и семья в «Маленьких женщинах» – наиболее совершенные спасительные институты, для всех без исключения. В действительности, идеальная цель, к которой движется повествование Олкотт, – это не просто утверждение значимости семьи, а ее расширенное видение. Пламфилд, образовательная Утопия, которую Джо с профессором создают в конце книги, – это полноценная, ядерная семья, ставшая, если угодно, термоядерной. Джо описывает ее как «место, где мальчики будут чувствовать себя как дома». Первоначальный состав учеников – «семья из шести или семи мальчишек», а акцент в первую очередь ставится на воспитании и лишь во вторую – на образовании. «О, я заменила бы им мать!» – заявляет Джо, и школа практически сливается с семьей.

Беньяну и в голову бы не пришло, что лучшая дорога в жизни может идти по кругу, возвращая искателя морали обратно в начальную точку. В «Маленьких женщинах» такое путешествие необходимо и для Джо, и для самой Мэй. В противном случае Мэй никогда не добилась бы утонченности, а Джо не обрела бы опыт или уверенность в собственных силах. Но такое путешествие необходимо для каждой из них не потому, что оно предполагает побег из дома, а скорее потому, что вселяет в девушек большую готовность исполнять свои обязанности по возвращении. Цель не в том, чтобы избежать той среды, откуда человек произошел, а в том, чтобы использовать опыт своих странствий и сделать эту среду более непредвзятой и неравнодушной, чем в детстве. Учитывая, как сильно девочки обожали мать, легко упустить из виду тот факт, что к концу романа они, взяв ее за образец, совместными усилиями его улучшили: Мэг как традиционная хранительница дома стала на нее довольно сильно похожа; Джо расширила сферу влияния своей добродетели, воспитанной матерью, далеко за пределы одной семьи; а Эми приобрела культурный лоск, который впоследствии передаст следующему поколению. Даже трагическая фигура Бет, которая никогда не создаст свой собственный дом, в каком-то смысле заходит дальше, чем мать и, по сути, все сестры, вместе взятые. Она прошла через свое собственное место в череде беньяновских испытаний и соблазнов, через Долину Смертной Тени. Прощение и смирение, которые она выказывает на пороге смерти, позволяют преподать Джо – а вместе с ней и читателю – более суровый, но в то же время более совершенный моральный урок, чем когда-либо давала ее мать.

Современному читателю роман «Маленькие женщины» кажется самозабвенно религиозной, христианской книгой. Отец девочек – священник, а мать скрашивает Рождество, раздавая

копии «лучшей на все времена истории о человеческой жизни». И конечно, книга, написанная по образцу «Путешествия Пилигрима», вряд ли отважится в своих идеях забрести излишне далеко от подножия Креста. Поэтому довольно просто забыть, что после публикации роман подвергся критике за недостаточную религиозность. Авторы журнала *Ladies' Repository* сетовали: «Эта книга не христианская. Это религия без духовности и спасение без Христа». Обозреватель журнала *Zion's Herald* в принципе возмущался, что Олкотт позаимствовала «Путешествие Пилигрима», считая, что тем самым она не выказывала почтение, а «вымарывала одухотворенность великой аллегии Беньяна». Рецензент был обеспокоен тем, что борьба Христианина с Апполлионом «свелась к борьбе с несносным характером, а Украшенный Чертог и Ярмарка Тщеславия [описывали] лишь банальные добродетели или соблазны». Этому обозревателю не пришло в голову, что зло редко из чистой любезности принимает столь узнаваемую форму, как огнедышащее чудовище; а еще он даже на минутку не задумался о том, что читатели Олкотт, скорее всего, столкнутся с дьяволом именно в таких ситуациях, как сестры Марч: когда в игру вступают обыденные, рутинные порывы и недостатки характера. Тем не менее роман «Маленькие женщины» считался светским, нечестивым, «пагубным соразмерно его уподоблению христианским формам». Олкотт, по всей видимости, мало заботили ее религиозные недоброжелатели, ведь, разумеется, она знала, что их критика была не по существу. Хотя она и заложила христианское милосердие в основу социальной миссии семьи Марч, религиозность здесь намеренно подана в приглушенных тонах. Одни критики отметили отсутствие Библии в комнате больной Бет, что бросалось в глаза, а другие обратили внимание, что Мэг выходит замуж дома, а не в церкви, хотя отец девочек – священник, а еще сестры посещают службы даже реже, чем печально известные безбожники Том Сойер и Гек Финн. Согласившись с тем, что вести паству к Небесному Граду должны настоящие священники, Олкотт направила свое внимание на спасительные свойства любви и семьи; она стремилась ясно озвучить понимание дома как рая, а рая как дома.

Если, как это подразумевается в романе, жизненный путь даже самой смелой женщины ведет обратно в семью, что можно сказать о концепции прав женщины у Олкотт? Здесь современные критики нашли повод для недовольства. Неужели Эми разъезжает по материку и оттачивает свои художественные способности лишь для того, чтобы выйти замуж за Лори, человека, который, несмотря на все его достойные восхищения усилия по проведению реформ, похоже, недотягивает до жены ни по силе воли, ни по восприятию? Так ли необходимо, чтобы Деми, сын Мэг, тиранил сестру-близняшку Дэйзи, в то время как Дэйзи в ответ на его притеснения «обожала брата и верно служила ему, считая самым совершенством»? Однако самое острое чувство предательства современные читатели склонны испытывать именно в контексте образа Джо. Смело попирая условности и при каждой возможности демонстрируя свою независимость, Джо играла мужские роли в пьесах своих сестер, а в отсутствие отца с гордостью стала главой семьи. На протяжении своего взросления она, казалось, не боялась почти ничего... кроме, что примечательно, самого факта взросления. Давая надежду на – ни больше ни меньше – модель равенства и новой женственности, Джо, похоже, очень мало чего добивается. Отвергнув Лори отчасти из-за страха, что тот «возненавидит мои каракули, а я не смогу без них обойтись», Джо выходит замуж за профессора Баэра, который как раз и убеждает ее отказаться от писательской карьеры. Даже то действие, которое является в романе кульминацией ее путешествия – основание школы Пламфилд, провозглашенной Лори «планом в духе истинной Джо», – почти не отражает ту старую Джо, как, возможно, многие из нас надеялись. Школа с момента ее основания была только для мальчиков; задача Джо – лишь заботиться о молодых учениках, а преподаванием занимается профессор. Влиятельный критик, феминистка Кэролин Хейлбрун удачно сформулировала эту проблему: «Джо переосмыслила период девичества, но задача сделать это с периодом женской зрелости оказалась ей не по зубам». Если бы степенные занятия и удобства Пламфилда выбрала бы Мэг или Эми, то, скорее всего, мы

приняли бы такое решение с улыбкой. Однако в контексте бывшей смутьянки Джо такая развязка воспринимается как трусливое бегство.

Вот только это не так, хотя для доказательства Олкотт потребовалось написать еще две книги. Зато уже в «Хороших женах» очевидно, что, если мы принимаем необходимость свадьбы Джо как данность – а издатель был в этом вопросе непреклонен, – она весьма удачно останавливает свой выбор на профессоре Баэре, воплощении интеллекта, добродетели и верности. Хотя Олкотт так не планировала, «Маленькие женщины» и «Хорошие жены» – всего лишь первые тома тетралогии, и характеры персонажей в конце этих книг едва ли можно считать сложившимися. Если Джо в конце «Хороших жен» кажется нетипично послушной и зависимой, в следующих книгах она такой не остается. В романах «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины выросли» ее мнение о том, как именно следует управлять Пламфилдом, предстает более авторитетным, чем мнение профессора Баэра. Более того, несмотря на свои опасения, профессор не только мирится с писательством Джо, но и создает условия для его процветания. Также можно заметить, что школа для мальчиков недолго остается чисто мужской. Ко времени появления на свет книги «Маленькие мужчины выросли» это учебное заведение превратилось в колледж Лоренца¹⁴ с полностью совместным обучением, где молодые женщины получают профессию (одна из них, Нэн, становится успешным врачом), горячо оспаривают сексистские гипотезы своих современников-мужчин и раньше, чем Билли Джин Кинг, выигрывают у мальчиков в теннис. Но, вероятно, больше всего утешает то, что сама Джо возобновила литературную карьеру, став настолько знаменитой, что ей приходится вылезать через заднее окно, чтобы спрятаться от назойливых представителей прессы. Конечно, Джо больше не тот задиристый, своенравный жеребенок, которым она была в пятнадцать – слава богу, мы все меняемся; на место бурной импульсивности пришла добродушная умиротворенность, а еще столько уважения и земного богатства, сколько можно было пожелать. Возможно, читатель, мечтающий о более революционной судьбе для Джо – чтобы она до самого конца сохранила свою резкость, импульсивность и бунтарскую натуру, – просит от нее то, что сама Джо считала невозможным: никогда не взрослеть.

В книге «Маленькие мужчины выросли» она счастливо устроилась в Пламфилде, при этом у нее есть и «деньги, и слава, и та работа, которую я люблю». Именно она, а вовсе не профессор Баэр, стала в школе истинным мудрецом: именно ей пишут поклонники, когда им нужен мудрый совет. Так, одной читательнице, которая раздумывает, как лучше всего воспитывать семерых дочерей, Джо отвечает, что нужно «предоставить им свободу играть, бегать и нагуливать себе здоровье, а потом уже думать об их занятиях. Они скоро сами найдут свое призвание, если их оставят в покое и не будут втискивать в одну и ту же рамку». Совет Джо вряд ли можно назвать невероятным, но он кратко и емко передает многое из того, что, Олкотт надеялась, получают все девочки: шанс расти, чтобы не дергали и не мешали, открывать в себе и развивать сильные стороны, а еще использовать их по своему усмотрению. Эти три простых подарка – важная часть того, что нужно девочкам (как и мальчикам, женщинам и мужчинам) даже в наши дни.

¹⁴ В переводе 1910 г. (переиздание 2010 г.) это место называется колледж Лоренца. – Прим. Е. А.

«Мы правда так жили... по большей части» Биографическая заметка

В письме, которое Луиза Мэй Олкотт отправила своему редактору Томасу Найлзу непосредственно перед публикацией первого издания «Маленьких женщин», она написала: «Мне не нужны предисловия»¹⁵. Получается, что данное издание с самого начала нарушает волю автора. Однако сей факт не должен нас излишне тревожить, ведь даже появление «Маленьких женщин» не соответствовало желаниям и не вписывалось в планы Олкотт. Роман она писала с большой неохотой, да и заканчивается он совсем не так, как изначально задумывалось. Олкотт постоянно замечала, что у нее все шло вопреки, а «Маленькие женщины», надо полагать, одна из самых парадоксальных книг в американском каноне. В то время как сама Олкотт сопротивлялась оковам, которые накладывала общепринятая женственность, ее роман на протяжении поколений считался образцом поведения молодых женщин. Хотя Олкотт выросла среди трансценденталистов, воплощения самостоятельности, в своих произведениях она мастерски выписала идеальный образ взаимозависимости. Она вытаскивала семью из постоянных долгов, опубликовав художественное произведение, воспевающее достоинства благородной нищеты. «Маленькие женщины» – книга, в высшей степени богатая удивительными открытиями: это касается как обстоятельств ее создания, так и лежащего в основе подхода к вопросам семьи, женственности и морально-нравственного роста. При этом больше всего удивилась сама Луиза Мэй. Взявшись за рукопись, она и понятия не имела, что напишет бессмертную детскую классику, как не могла она вообразить, что однажды ее книга будет считаться новаторской в контексте зарождающегося на тот момент американского литературного реализма

Тем не менее мало кто из читающих – или перечитывающих – «Маленьких женщин» хочет удивляться. Наоборот, люди начинают читать эту книгу, чтобы обрести уверенность. Они ищут и находят обещание того, что жизненные трудности, будь то нищета, семья, разделенная расстоянием и войной, или мелкие демоны своего характера, которых нужно усмирить, – все это можно выдержать и преодолеть. И мечтают, чтобы им напоминали: чтобы выиграть эту битву, не нужны изощренные средства защиты, достаточно иметь твердое сердце и любящую семью. При этом в романе не всегда ясно, хватит ли толщины такой брони. Какой читатель, опираясь на личный опыт, не сопереживает страхам Бет, когда та робко отваживается войти в логово властного мистера Лоуренса, или внутренним мукам Джо, когда девушка шаг за шагом осознает, что нужно отпустить детство и начинать делать себе имя в этом большом и крайне равнодушном мире? Непроизвольно сочувствуешь той неловкости, что ощущает Мэг, когда ее проталкивают в социальные круги, в которых она почти не ориентируется, как и тому позору Эми, когда долгожданный обед с ее модным, но таким непостоянным классом рисования превращается в социальную катастрофу. Самый легкий способ выйти из всех этих ситуаций – сбежать и не видеть последствий. Но в жизни не получится сбежать слишком часто или слишком надолго. Это нереально. А именно реализм «Маленьких женщин» находит яркий отклик у читателей со времени первого выхода романа, первая часть которого появилась в 1868 году, а вторая – в 1869 году. Олкотт и сама считала, что история вышла очень хорошая, поскольку она была «простой и правдивой, и ни капельки не сенсационной». По ее словам, «мы и правда так жили... по большей части, и если она [книга] окажется успешной, то именно это и будет причиной»¹⁶.

¹⁵ Louisa May Alcott, "To Thomas Niles," mid-July [?] 1868, *The Selected Letters of Louisa May Alcott*, p. 117.

¹⁶ Louisa May Alcott, *The Journals of Louisa May Alcott*, p. 166.

Но заявленное правдоподобие книги порой ставится под сомнение. Некоторые замечают, что юность самой Олкотт была омрачена более глубокой бедностью и окрашена в эмоционально более темные тона, чем описанные приключения сестер Марч. Тем не менее, по сравнению со многими предыдущими произведениями американской массовой литературы и, конечно, по сравнению с более ранними книгами для детей и подростков, «Маленькие женщины» отличает отсутствие сверхъестественного и вымышленного. Назвав свою книгу реалистическим произведением, Олкотт оказалась гораздо больше права, чем неправы. Даже в тех отрывках, которые Олкотт была вынуждена черпать из своего богатого воображения, «Маленькие женщины» пронизаны сущностью жизни и правды.

Хотя автобиографический колорит придавал жизненность многим великим произведениям американской литературы, трудно вспомнить классический американский роман, который имел бы аналогично глубокие корни в реально прожитом опыте. Поскольку в «Маленьких женщинах» это именно так, жизнь автора приобретает особое значение. И без знакомства с Луизой Мэй Олкотт невозможно по-настоящему понять сам роман.

В декабре 1847 года человек, приехавший в Конкорд, Массачусетс, вполне мог бы встретить пятнадцатилетнюю Луизу Мэй Олкотт – это, кстати, именно тот возраст, которого Джо Марч, ее альтер эго, достигла в самом начале романа «Маленькие женщины». Он столкнулся бы с весьма спортивной девушкой, обладающей невероятной энергией. Олкотт позднее писала, что ни один мальчик не мог быть ее другом, пока она не обгонит его в забеге, и ни одна девочка не могла завоевать ее расположение, «если отказывалась лазить по деревьям, прыгать через заборы и вести себя как сорванец»¹⁷. Ясное лицо с загорелой кожей, каштановые волосы и карие глаза: Олкотт идеально соответствовала тому, что ее близкий друг назвал «идеалом „темнокожей служанки“»¹⁸. Жизнь и страсти били в ней ключом. Она была импульсивной и капризной, а временами раздражительной и нервной». По словам того же друга: «Она бегала как газель. Это была самая красивая бегунья, которую я когда-либо видел. И она... очень любила пошалить от души»¹⁹. Другой знакомый юной Олкотт так запомнил ее лицо: «веселье или досада дарили румянец, от которого пылали» ее щеки, и на него было «очень приятно смотреть»²⁰. Физическая энергия Олкотт всецело отразилась на ее характере, и ей было чрезвычайно трудно контролировать эту силу. Даже в памяти ее очень снисходительной старшей сестры Анны она осталась «ужасной девчонкой, всегда готовой на кучу безумных выходок»²¹. Другие находили Луизу Мэй «странной, непредсказуемой особой, полной... каких-то причуд, импульсивной, любящей и постоянно переживающей из-за ограничений, накладываемых тем, что она молодая леди, а не мальчик»²². Как видно, трое из только что процитированных свидетелей запомнили, что юную Олкотт словно всегда что-то переполняло, и, скорее всего, это не совпадение. Похоже, ей была свойственна некоторая чрезмерность, избыток эмоций и энергии, который едва могло вместить ее худощавое спортивное тело.

Если бы тот же приезжий снова встретил Олкотт спустя двадцать один год, в год создания «Маленьких женщин», та колоссальная перемена, которую она претерпела, его (или ее), вероятно, успокоили бы. Одному своему поклоннику, который позднее спросил ее в письме, как легко стать успешным писателем, Олкотт ответила, что никак, легкого пути нет. Олкотт сама не раз говорила, что «двадцать лет работала за гроши, без особой известности и совершенно без каких-либо амбиций, кроме как заработать на пропитание, ведь я решила сама себя содержать

¹⁷ Louisa May Alcott, "Reflections of My Childhood," в книге: *Alcott in Her Own Time*, ed. Daniel Shealy, p. 34.

¹⁸ 'Nut Brown Maid' – немецкая баллада. – Прим. Е. А.

¹⁹ Frederick L.H. Willis, *Alcott Memoirs*, в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 177.

²⁰ Lurabel Harlow, *Louisa May Alcott: A Souvenir*, в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 40.

²¹ Bessie Holyoke, "[A Visit with Anna Alcott Pratt]," в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 25.

²² Nina Ames Frey, "Miss Clara and her Friend, Louisa," в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 229.

и занялась этим в шестнадцать лет»²³. Тяжелая работа – одного этого было достаточно, чтобы лишить Луизу Мэй части румянца на щеках, а она к тому же перенесла страшную болезнь.

Когда Олкотт работала медсестрой в госпитале Union Hotel Hospital в 1862–1863 годах, она едва не умерла от болезни и переутомления. Однако такие испытания научили ее ценить реалистичные сюжеты и привели к первому большому успеху – изданию сборника «Больничные записки»

В январе 1863 года, служа своей стране в качестве медсестры во время Гражданской войны, Олкотт заболела тифозной пневмонией в госпитале, где работала. Врачи ухудшили ситуацию, дав ей большие дозы каломели. Это лекарство, ртутный препарат, осталось в ее организме и чуть ее не убило. От последствий отравления ртутью Луиза Мэй страдала всю оставшуюся жизнь. Симптомы то появлялись, то исчезали; временами она чувствовала себя хорошо, а в другие дни боролась с «нетрудоспособностью, которую я ненавижу больше, чем смерть»²⁴. Ее прежняя здоровая, бьющая через край энергия в полной мере так и не вернулась. Комментируя свои портреты, сделанные после болезни, она замечала: «Когда я не похожа на трагическую музу, я выгляжу словно подкопченное последствие великого бостонского пожара»²⁵. Как только «Маленькие женщины» прославили ее и ее семью, люди стали толпами стекаться в Конкорд, «чтобы прийти и посмотреть на Олкоттов»²⁶. Ее огорчало, что так много посетителей приезжало в надежде увидеть вечно молодую оторву Джо Марч из «Маленьких женщин»,

²³ Louisa May Alcott, "To Miss Churchill," 25 December 1878, *Selected Letters*, p. 232.

²⁴ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 179.

²⁵ Harlow, *Alcott in Her Own Time*, p. 40.

²⁶ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 171.

а вместо этого лицезрело «уставшую старушку»²⁷. Однако, несмотря на изнуряющий эффект времени и болезни, душа ее боролась за то, чтобы оставаться в целом без изменений. Олкотт писала: «Невзирая на возраст, огромное количество работы и правила приличия, время от времени на меня находит приступ прежнего веселья, и оказывается, что я не разучилась шалить, прямо как в дни своего джоанства»²⁸.

Итак, говоря об авторе «Маленьких женщин», приходится выбирать между двух Олкотт: шумной молодой женщиной с невероятной любовью к забавам и не менее экстраординарным характером или успешной степенной писательницей, все еще щедрой и добродушной, но раньше времени состарившейся. Выбор становится еще сложнее, если одновременно читать письма и дневники этой взрослой женщины. Письма, хотя и признают открыто трудности, с которыми сталкивалась Олкотт, по тону обычно жизнерадостны. Дневники, поскольку уже не подразумевают, что Олкотт нужно выставлять себя в хорошем свете или каким-то образом сохранять лицо, более мрачные и раскрывают женщину, внутренне озлобленную хронической болезнью и разочарованную тем, что нет ни здоровья, ни времени, чтобы попробовать писать книги для взрослой аудитории, чего она всегда хотела.

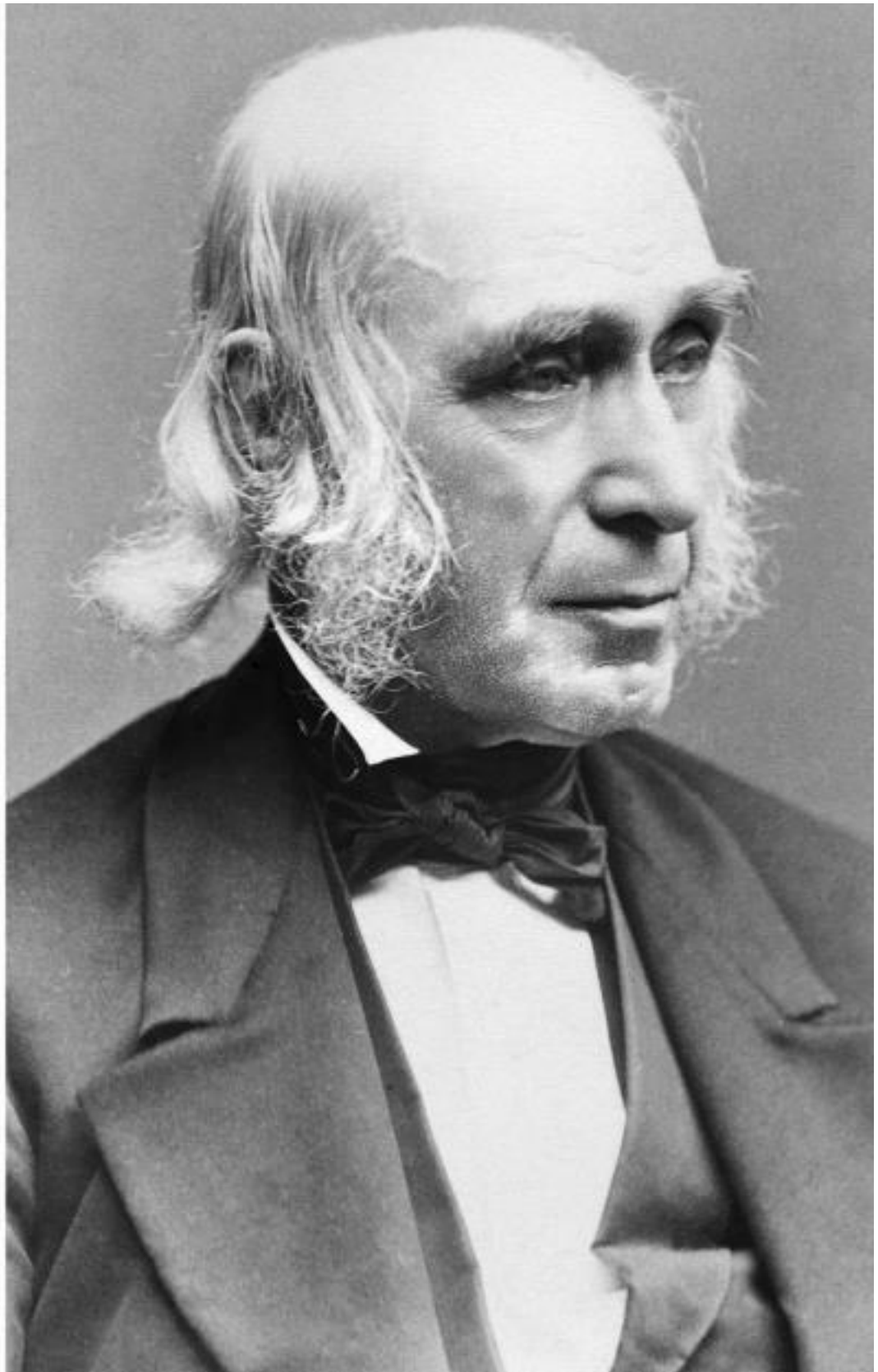
Ирония состоит в том, что, хотя произведения Олкотт так часто воспевают блага семейной жизни, мощнейшей силой, источившей ее в столь раннем возрасте, выступила ее собственная семья. Отец Луизы, Бронсон, глубоко презиравший любые мирские виды деятельности, в раннем детстве Луизы весьма скромно зарабатывал на жизнь, работая учителем. Когда Луизе еще не исполнилось семи, противоречивые методы обучения и прогрессивные взгляды Бронсона (он принял в свою бостонскую школу чернокожего ребенка, что спровоцировало массовый отток детей из белых семей) положили резкий и сокрушительный конец его карьере. Потом он зарабатывал лишь эпизодически, выступая публично и выполняя сельскохозяйственные работы. Однако у него не было постоянного дохода с того момента, как Луизе исполнилось шесть, и до ее двадцати шести лет. Луиза работала с подросткового возраста, чтобы помочь обеспечить родителей и сестер всем необходимым, с чем был не в состоянии справиться отец. Привычка жертвовать собой ради семьи, приобретенная Луизой в столь юном возрасте, сохранялась до самой ее смерти. Позже она оплатила образование своих племянников, как и художественное образование и путешествия по Европе своей младшей сестры Мэй. Когда Мэй неожиданно умерла, оставив крохотную дочку, опекуном малышки стала Луиза. В пятьдесят пять лет Олкотт написала: «Поскольку я живу не для себя, я держусь за других людей и, надеюсь, когда-нибудь найду время, чтобы умереть»²⁹. Спустя всего два дня это время само ее нашло.

Впрочем, семья, которая, похоже, всегда сдерживала Олкотт, в значительной степени придавала ее жизни направление и смысл. Поддержка и наставничество матери, восхищение сестер и неиссякаемый оптимизм отца вдохновляли Луизу в той же мере, в какой она тяготилась их зависимостью от нее. А еще именно семья предоставила Олкотт крупную, определяющую тему для ее произведений: описание тонких, но прочных нитей жизненного полотна эмоций и опыта, что связывают родителя с ребенком, а детей между собой. Из-за своей семьи, но и вместе с ней Олкотт пережила те моменты печали, гнева, разочарования и добытой большими усилиями радости, которые ей предстояло превратить в величайшее художественное произведение.

²⁷ Louisa May Alcott, "To the Lukens Sisters," 2 October [1874], *Selected Letters*, p. 185.

²⁸ Louisa May Alcott, "To Florence Hilton," 13 March [1874], *Selected Letters*, p. 182.

²⁹ Louisa May Alcott, "To Maria S. Porter," 4 [?] March 1888, *Selected Letters*, p. 337.

Портрет Бронсона Олкотта, отца Луизы Мэй

Жизненный путь, в результате которого появилось это произведение, начался 29 ноября 1832 года. Луиза Мэй Олкотт родилась в тридцать третий день рождения своего отца. Ее старшей сестре Анне на тот момент было двадцать месяцев. Две младшие сестры – Элизабет, кото-

рую в семье звали Лиззи, и Эбигейл, предпочитавшая свое второе имя Мэй, – присоединились к семье в 1835 и 1840 годах. Место рождения Луизы Мэй – Джермантаун, штат Пенсильвания, – оказалось не более чем промежуточным пунктом на жизненном пути семьи Олкотт, хотя то же самое можно сказать и о многих других домах, где ненадолго останавливались Олкотты и где прошло ее детство. Когда Луиза была маленькой, Бронсон Олкотт, постоянно искавший идеальные условия и зачастую неспособный заплатить за жилье, которое находил, переезжал со своей семьей десятки раз. Первые годы жизни Луизы были для отца одними из самых благополучных. Ей не было и трех, когда он основал школу в Массонском храме в Бостоне, где новаторский подход к обучению превратил его на какое-то время в любимца либеральной части Новой Англии. Полагая, что дети обладают уникальной мудростью, старший Олкотт задавал ученикам столько же вопросов, сколько давал ответов. Предлагая даже очень маленьким детям глубоко задуматься, как работает их разум и в чем смысл моральных норм, Бронсон осознал важность обучения всего ребенка целиком – не только со стороны умственных способностей, но и с точки зрения тела и духа. Принципы, которые он внедрял в школе, Олкотт старался совершенствовать в детской во время воспитания собственных детей. Он старался избегать в своем доме суровой мотивации и плохих эмоций и наполнить его такими образами и звуками, которые возбудили бы любопытство дочерей и привили бы им любовь к миру и гармонии. С тех пор, как родились Анна и Луиза, Бронсон, который сам был заядлым любителем фиксировать все в дневнике, вел отдельные дневники, где записывал каждый примечательный факт развития дочек. С помощью этих записей, которые в итоге заняли сотни страниц, он надеялся раскрыть тайны детского разума. А еще он надеялся, что, когда девочки станут достаточно взрослыми, чтобы писать самостоятельно, они продолжат вести этот проект, создав тем самым исчерпывающую хронологию своей умственной деятельности от колыбели и до могилы. Хотя научная страсть Бронсона со временем поостыла, девочки Олкотт прошли через тщательно задокументированное детство, отмеченное как морально-нравственными границами, так и снисхождением к эстетике. Когда на вечеринке по случаю дня рождения Луизы число гостей превысило число кусков торта, имениннице пришлось отдать лишнему гостю свой кусок. Для сравнения, когда младшая сестра Мэй проявила талант художницы, родители разрешили ей рисовать на стенах в ее комнате. И строгость, и терпимость использовались с целью получить особенных детей, как с моральной, так и интеллектуальной точки зрения.

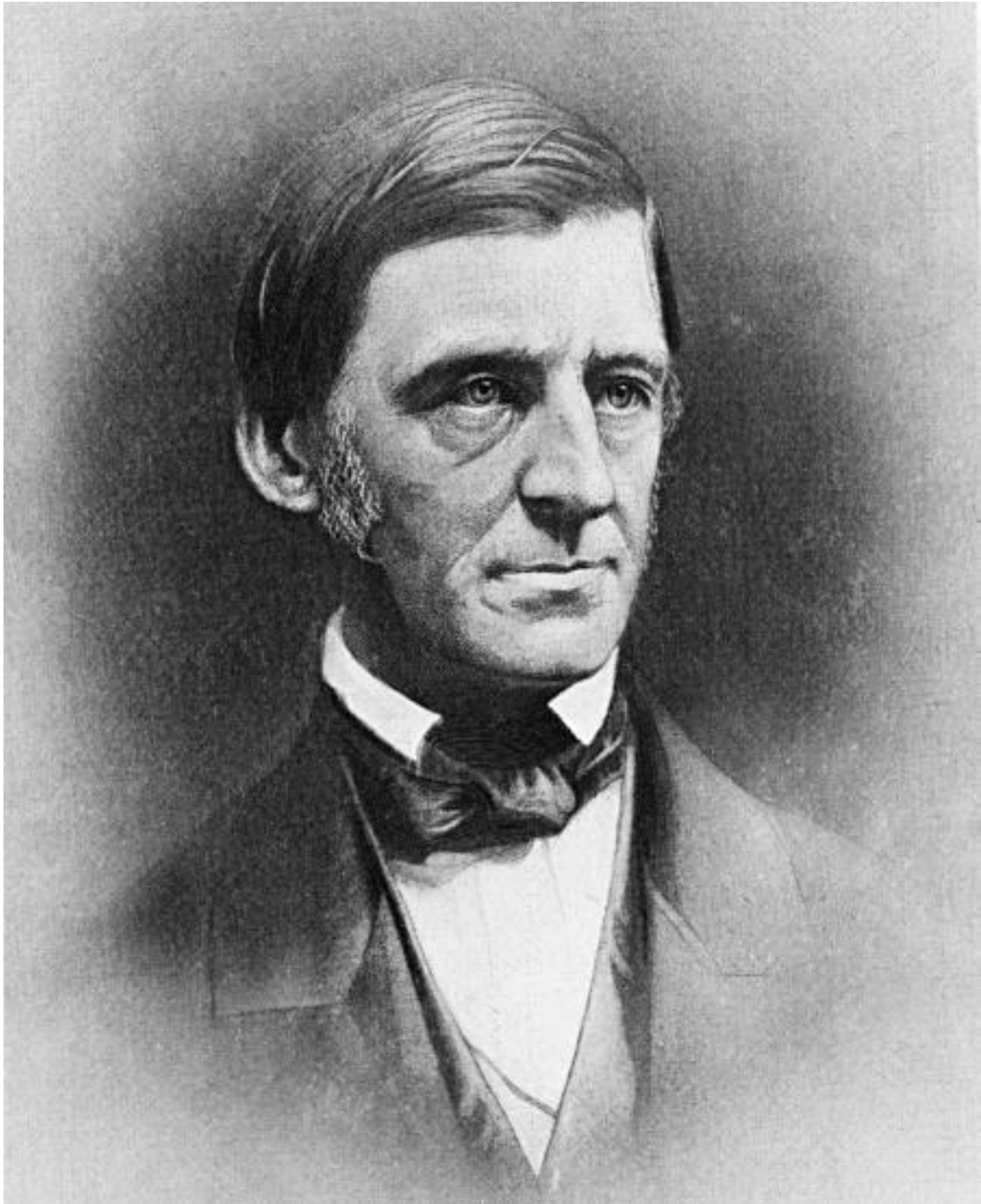
Школа «Темпл-скул» в Бостоне, место, где Бронсона Олкотта ждала величайшая слава... и самый сокрушительный скандал

Бронсон боялся, что с Луизой он потерпел неудачу. Вместо нежной уравновешенной девушки, которую он надеялся создать, Луиза оказалась упрямым и напористым сорванцом, она была подвержена эмоциональным всплескам и была не против выкинуть какую-нибудь невинную шалость. Казалось, она выступала ходячим опровержением всех драгоценных сердцу ее отца теорий о воспитании детей. Павший духом из-за своенравности дочери, Бронсон попрекнул десятилетнюю Луизу за ее «гнев, недовольство, нетерпение [и] ненасытные аппетиты»³⁰. За утешением и поддержкой Луиза обращалась к своей матери Аббе, которая хвалила ее ранние стихи, говоря, что они напоминают произведения начинающего Шекспира, и видела силу там, где ее муж видел только упрямство. «Я верю, – писала она, – что есть натуры, слишком выдающиеся, чтобы можно было их обуздать, и слишком статные, чтобы их можно было сломить. Такова моя Лу»³¹. Луиза в свою очередь считала свою мать «лучшей женщиной на свете»³².

³⁰ A. Bronson Alcott, "To Louisa May Alcott," 29 November 1842, *The Letters of A. Bronson Alcott*, p. 93.

³¹ Abigail May Alcott, "To Samuel J. May," 29 February 1848, цитируется в издании: Eve LaPlante, *Marmee and Louisa: The Untold Story of Louisa May Alcott and Her Mother*, p. 140.

³² Louisa May Alcott, *Journals*, p. 55.

Поэт и эссеист Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) возглавил американское трансценденталистское движение. Луиза считала его «человеком, который больше всего помог мне своей жизнью, своими книгами, своим обществом. У меня не получится сформулировать в полной мере, чем он был для меня»

Генри Дэвид Торо (1817–1862), автор работы «Уолден» и эссе «Гражданское неповиновение», показал Олкотт праведность мира природы. Когда он умер, она написала: «Хотя он не ходил в церковь, он был лучшим христианином, чем многие из тех, кто ходил»

Семья Олкотт селилась в Конкорде не один, а целых три раза: с 1840 по 1843 год, затем с 1845 по 1848 год и, наконец, в 1857 году. В 1858 году они переехали в дом, который Бронсон окрестил «Орчард-Хаус», где они и оставались до 1877 года. Именно в Конкорде Луиза познакомилась с близкими друзьями своего отца Ральфом Уолдо Эмерсоном и Генри Дэвидом Торо, а также с его чуть менее близким знакомым, Натаниэлем Готорном. Эмерсон поделился с Луизой своей библиотекой. Торо брал ее и сестер гулять на природу и в сплавы на лодках. Ее детство было наполнено интеллектуальными щедротами. А ранние годы еще и прошли в пронзительной нищете. Убежденный в греховности мира денег, Бронсон намеревался личным спартанским примером убедить дочерей в их незначительности. Однако наличие скудной еды и латаной одежды научило Луизу, что на самом деле деньги имеют большое значение. Она преподавала, она шила, она занималась в чужих домах домашней работой... соглашалась на

все, лишь бы заработать еще доллар. С восемнадцати лет она записывала в свой дневник каждую крупницу дохода, которая попадалась ей на пути. Даже после того, как успех «Маленьких женщин» принес ей все деньги, о которых она когда-либо мечтала, она упорно заставляла себя писать за плату. Став излишне чувствительной из-за лишений юного возраста, она считала, что никогда не мешает подстраховаться.

Вполне возможно, ключевой эпизод детства Олкотт начался с больших надежд, родившихся в пасмурный июньский день 1843 года, и закончился в январе следующего года в окружении снега и разбитых надежд. Эти семь месяцев засвидетельствовали взлет, падение и крах самого смелого социального эксперимента ее отца – фермы-общины, которую он назвал «Фрутлендс». Идея ее создания впервые пришла к Олкотту во время его поездки в Англию в 1842 году. Благодаря моральной поддержке и финансовым вливаниям Эмерсона он поехал туда по приглашению группы реформаторов, которые были столь воодушевлены американскими теориями воспитания, что окрестили свою экспериментальную школу «Олкотт-Хаус». В Англии Бронсон подружился с Чарлзом Лейном, разочаровавшимся финансовым журналистом, который пришел к выводу, что существующее общество, учитывая степень его морального разложения, практически безнадежно. Вместе с Генри Райтом, еще одним мечтателем из школы «Олкотт-Хаус», Бронсон и Лейн задумали создать «в Америке новое поселение», которое искоренит ошибки общества и послужит моделью обновления этого мира³³. Эта община полагала покончить с деньгами и частной собственностью. В ней также должны были быть строго исключены любые товары, произведенные рабским трудом: например, хлопок и сахар. Хотя даже эти идеи были достаточно радикальными для 1840-х годов, Олкотт с друзьями в своей моральной чистоте пошли еще дальше. Они, вместе с последователями, собирались помочь животным, воздерживаясь от употребления мяса, рыбы, молока и яиц, а также избегая и других продуктов животного происхождения: никакого шелка, никакой шерстяной одежды, никакой кожаной обуви. У многих такой экстремизм реформаторов вызывал лишь смех. Однако было трудно критиковать чистоту их намерения: прожить жизнь так, чтобы не причинять боли ни одному живому существу.

Последнее непреложное правило в контексте понимания Бронсоном Олкоттом своей утопии состояло в том, чтобы оказать особое влияние на десятилетнюю Луизу. Он намеревался покончить с идеей традиционной семьи, заменив ее концепцией, которую они с Лейном назвали «союз компаньонов». Теория призвала всех членов общины отказаться от личных предпочтений в отношении супругов и кровных родственников и образовать единую, эгалитарную семью, в которой никто не мог бы предъявлять особые права на любовь или верность другого. Поставленная цель – как объяснил ее Олкотт своей жене – заключалась в том, чтобы каждый член общины «скинул оковы собственной личности и снял все ограничения в свободе любви»³⁴.

³³ A. Bronson Alcott, "To Junius S. Alcott," 30 June 1842, *Letters*, p. 74.

³⁴ A. Bronson Alcott, "To Mrs. A. Bronson Alcott," 16 August 1842, *Letters*, p. 90.

Луиза боготворила свою мать, Эбигейл Мэй Олкотт (1800–1877), и отмечала, что та «всегда делала то, что встречалось ей на пути долга и милосердия, и позволяла своей гордости, эстетическому вкусу и комфорту страдать ради любви»

Олкотт привез в Америку Райта, Лейна и его маленького сына Уильяма в октябре 1842 года. В первое утро следующего июня, уже без непостоянного мистера Райта, который, влюбившись в одну реформаторку, на тот момент выстраивал собственный рай, Олкотты и Лейны вступили во владение фермой, которую эти двое приобрели (или, как они бы выразились, освободили от уз мирской торговли) недалеко от Гарварда, в штате Массачусетс. Связанная по

рукам и ногам чрезмерной любовью к добродетели община «Фрутлендс» так и не смогла обеспечить себе стабильное положение. Даже в период расцвета ее население, включая шесть членов семьи Олкотт и двух Лейнов, не превышало пятнадцати человек. Когда лето сменилось осенью, количество человек, живущих в общине, пошло на убыль. Бронсон с Лейном в своем стремлении привлечь больше людей, а не получить максимальную выгоду из того, что уже было, часто совершали в целом безуспешные выезды с целью набора новых членов общины, и большая часть тяжелой задачи по управлению фермой ложилась на миссис Олкотт и детей. На вопрос, есть ли на ферме вьючные животные, Абба как-то ответила: «Только одна женщина»³⁵.

К декабрю остались только Олкотты и Лейны. Отчаянно пытаясь спасти общину во что бы то ни стало, Олкотт и Лейн предложили последовать примеру гораздо более процветающего утопического предприятия – поселения шейкеров в двух или трех милях к северу от Гарварда. Шейкеры пополняли свои ряды через усыновление и обращение новых членов и при этом практически полностью разделялись по гендерному принципу. Когда во «Фрутлендс» пришла поздняя осень, Бронсон Олкотт выдвинул идею о том, что его община тоже должна так поступить. Поскольку единственными оставшимися в общине женщинами были миссис Олкотт и ее дочери, Бронсон, по сути, предложил отделиться от своей кровной семьи. Луиза писала в дневнике: «Все плакали. Мы с Анной ревели в постели, и я молилась Богу, чтобы мы остались вместе»³⁶. Семья не распалась. Впрочем, всего пару недель спустя расформировалась сама община «Фрутлендс», а у Бронсона случился серьезный срыв, и на полное восстановление ему потребовались годы.

Однако более значительным в долгосрочной перспективе оказалось влияние эксперимента с общиной «Фрутлендс» на Луизу. Летом 1843 года ее заставили поверить, что семья является первоочередным понятием для человеческих отношений, и поощряли относиться к отцу как к некоему сверхглаве, чей вариант семьи, названный «союз компаньонов», мог разрастаться, нарушая все мыслимые пределы, не имея в буквальном смысле границ в разнообразии и размере. А всего полгода спустя она собственными глазами увидела, сколь опасно хрупкой может в результате оказаться семья. Луиза Мэй Олкотт усвоила этот урок с обеих сторон: как концепцию построения семьи на принципе, отличном от кровного родства, и как твердое убеждение, что в кризисные времена нет задачи важнее, чем ее сохранение. Эти две концепции станут неотъемлемой частью более поздних ее работ.

³⁵ John Matteson, *Eden's Outcasts: The Story of Louisa May Alcott and Her Father*, p. 141.

³⁶ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 47.

«Хиллсайд-Хаус» в Конкорде, Массачусетс, также известный как «Уэйсайд-Хаус», был домом семьи Олкотт с 1845 по 1848 год. Именно здесь прошли самые счастливые годы молодой Луизы Мэй Олкотт. Хотя действие «Маленьких женщин» происходит во время и после Гражданской войны, возраст сестер Марч примерно соответствует возрасту сестер Олкотт, когда они жили в этом месте

К счастью, бесконечные на первый взгляд странствия семьи приостановились в апреле 1845 года, наступил период затишья, который продлился три с половиной года. Именно в тот момент, когда Луизе было двенадцать, семья переехала в город Конкорд в дом на Лексингтон-роуд, который они называли «Хиллсайд-Хаус». Этот дом, теперь более известный под именем «Уэйсайд-Хаус», которое позднее дал ему Натаниэль Готорн, с гордостью претендует на звание самого литературного дома-музея в Америке: в нем проживали Олкотты, Готорны, а еще Маргарет Сидни, автор книг «Пятеро юных Пепперов и как они росли»³⁷. Хотя на момент, когда Олкотты вступили во владение домом, вся эта слава была лишь в будущем. Самым важным для Луизы оказалось то, что в новом доме у нее появилась собственная, столь желанная комната, которую ее мама «сделала очень милой и аккуратной» и которую Луиза использовала как убежище, когда ей хотелось подумать, помечтать и пописать. Абба дала дочери намного больше, чем просто место, где можно было скрыться физически.

Луиза записала в своем дневнике: «Люди думают, что я дикая и странная, но мама меня понимает и помогает»³⁸. В это время Луиза и «Марми»³⁹, как Олкотт позже называла ее в своих дневниках, сформировали связь, которая лишь крепла с годами. Абба не только разделяла любовь дочери к литературе и выдуманному историческому роману, но и благожелательно относилась к активным попыткам Луизы справиться со своим, казалось бы, неукротимым нравом. Хотя нет никаких доказательств того, что, как и Марми в «Маленьких женщинах», миссис Олкотт при-

³⁷ *Five Little Peppers and How They Grew* (англ.). На русский язык не переводилась. – Прим. Е. А.

³⁸ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 47.

³⁹ Вариант произношения от *pumpkin* (мамочка). Так называют свою маму и сестры Марч в романе. См. примечание к первой главе.

зналась дочери – «я сержусь каждый божий день», у нас есть расшифровки дневников Луизы, которые свидетельствуют, что, как и в романе, Абба советовала дочери «не терять надежды и не бездельничать»⁴⁰. Кроме того, она порекомендовала Луизе постоянно вести дневник и писать стихи, чтобы «меньше волноваться и тревожиться». Бронсон не прекращал поучать Луизу по поводу морально-нравственного роста. Однако если поведение Луизы и стало за эти годы лучше, то не столько ради того, чтобы угодить отцу, сколько для того, чтобы «дарить помощь и утешение, а не доставлять тревоги и неприятности моей дорогой матери»⁴¹.

⁴⁰ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 47.

⁴¹ *Ibid.*, p. 59.

Старшая сестра Луизы, Анна Бронсон Олкотт (1831–1893) играла главные роли в спектаклях сестер Олкотт. Она мечтала о театральной карьере, но глухота помешала ее желаниям. Луиза воплотила ее черты в образе Мег в «Маленьких женщинах»

К сожалению, Бронсон не смог понять, что связь между Аббой и Луизой была основана исключительно на любви и преданности; он скорее считал такие близкие отношения угрозой своему авторитету. Ему было трудно понять, почему, учитывая все его теоретические выкладки и научно выверенный подход к воспитанию, не он стоит для всех своих детей на первом месте. Более того, его спокойной натуре было невозможно постичь мятежные нравы жены и дочери. Находясь в состоянии гипертрофированного разочарования, он как-то поведал своему дневнику: «Я пока еще недостаточно духовен, чтобы победить этих двух бесов – мать-злодейку и ее дочь»⁴². На некоторое время в отношениях семьи Олкотт возникла трещина. Довольный «безграничным любопытством Луизы, ее острым умом и способным к состраданию сердцем», Бронсон все же продолжал считать других дочерей более близкими ему по духу⁴³. Луиза стояла особняком. Поэтому поразительно – а также чрезвычайно важно для последующего творчества Луизы, – что среди сестер Олкотт не возникло подобных разногласий. Их сдружило как общее желание помочь своей нуждающейся семье, так и страстный интерес Анны и Луизы к театру. Ни юный возраст Мэй, ни желание Лиззи отсидеться в зале не служило вразумительным оправданием, когда старшие сестры вынуждали их играть на сцене. Ближе к концу своей жизни Анна Олкотт вспоминала:

В старые добрые времена, когда «Маленькие женщины» еще работали и играли вместе, большой чердак [в доме «Хилсайд-Хаус»] служил подмостками, на которых разворачивались многие драматические празднества. Девочки целый день кого-то обучали, занимались шитьем и помогали матери, поэтому они испытывали небывалый восторг, превращаясь в королев, рыцарей и кавалеров высокого ранга, возносясь в мир фантазий и романтики... Распускались цветы, вздымались леса, звучала музыка, а при лунном свете влюбленные обменивались клятвами верности. Не было никаких границ, возможным становилось все: доспехи, гондолы, арфы, башни и дворцы возникали как по волшебству, и перед восхищенной публикой разыгрывались чудесные сцены, свидетельства доблести и преданности»⁴⁴.

К тому времени у каждой из девочек стали проявляться те личностные черты, которые позже Олкотт в полной мере развила в своем романе. Самую большую вольность при создании «Маленьких женщин» Луизе пришлось допустить, видимо, со старшей сестрой Анной. По собственному скромному признанию, она не отличалась той великолепной привлекательностью, какой должна была обладать Мэг Марч. И утверждала, что никогда не была «прелестной, тщеславной девицей, которая была не прочь пофлиртовать и всегда старалась выглядеть очаровательно». Позже Анна заявляла, что Луиза намеренно приукрасила ее персонажа, отчасти из-за восхищения старшей сестрой, а отчасти потому, что, как выразилась сама Луиза: «Боже мой, девочки, у нас в книге должна быть хоть одна красотка!»⁴⁵ Но некоторая невзрачность Анны терялась перед необычной плавностью ее движений и, как заметил сын Эмерсона Эдвард, «красотой выражения лица, [которая] компенсировала отсутствие оной в ее чертах»⁴⁶. Когда про Анну писал отец, Бронсон Олкотт, он отмечал «ее видящие лишь красоту глаза и

⁴² A. Bronson Alcott, *The Journals of Bronson Alcott*, p. 173.

⁴³ A. Bronson Alcott, "To Anna, Louisa, Elizabeth, and May Alcott," 15 July 1842, *Letters*, p. 83.

⁴⁴ Louisa May Alcott and Anna Alcott Pratt, *Comic Tragedies*, Written by "Jo" and "Meg" and Acted by the "Little Women," p. 7.

⁴⁵ Anna Alcott Pratt, "A Letter from Miss Alcott's Sister about 'Little Women,'" в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 18.

⁴⁶ Edward W. Emerson, "When Louisa Alcott Was a Girl," в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 95.

приятные образы, состоящие из изящных движений, золотых оттенков и всевозможных славных и загадочных действий и форм»⁴⁷.

Когда Бронсон обратился мыслями к Лиззи, которая обретет бессмертие в роли Бет, он написал о «ее тихом нраве и чистых мыслях, ее светлой кротости и глубоком смирении». А еще добавил любопытную фразу: «эгоцентрична в крайней степени своих привязанностей»⁴⁸. В «Маленьких женщинах» Олкотт отмечает тот же парадокс у Бет, которая «жила в своем мире и общалась только с близкими, давно заслужившими доверие людьми». Лиззи – быть может, самой ласковой по природе из четверых – не хватало творческой искры сестер. Она была еще и самой замкнутой из них. По сравнению со своими более смелыми сестрами на эмоциональном уровне она была практически недоступна, и ей это нравилось. В семье, где свободно зачитывали друг другу вслух отрывки из дневников, только Лиззи упорно держала свои личные заметки при себе. Луиза Олкотт чувствовала особую близость к сестре, о чем можно судить по тексту романа, где героиня Лиззи – единственная из сестер Марч, которая осталась со своим именем. Джо и Бет объединяет «какое-то странное притяжение противоположностей». Бет доверяет секреты лишь одной Джо и в принципе оказывает на нее большее влияние, чем кто-либо другой из семьи Марч. Однако чувствуется, что даже Луиза не проникла в самую суть порхающего, неуловимого духа Лиззи. Застенчивая, молчаливая Лиззи была и остается самой загадочной личностью в семье Олкотт.

⁴⁷ A. Bronson Alcott, "To Anna, Louisa, Elizabeth, and May Alcott," 15 July 1842, *Letters*, p. 83.

⁴⁸ A. Bronson Alcott, "To Anna, Louisa, Elizabeth, and May Alcott," 15 July 1842, *Letters*, p. 83.

Единственный известный портрет Элизабет Сьюэлл Олкотт (1835–1858), третьей из четырех сестер Олкотт. Как и Бет в романе «Маленькие женщины», Лиззи была скромной и застенчивой. И, как и Бет, к огромному сожалению, умерла молодой от затяжных последствий скарлатины

Мэй Олкотт составила яркий и энергичный контраст приглушенным тонам образа Лиззи. В детстве Мэй была ребенком «шаловливых радостей и безудержных огорчений», маленьким смерчем с «быстро топающими ножками», «смышлеными глазами и золотисто-каштановыми локонами». Бронсон Олкотт, описывая ее, обратил особое внимание на «словообразователь-

ную способность», что довольно забавно в свете большого количества неудачных оговорок в юном возрасте ее вымышленного двойника⁴⁹. Когда Мэй было двадцать, Луиза отметила ее живость и искрометность, а также то, сколь «старым и тихим» казался дом в ее отсутствие⁵⁰. Волевая и художественно одаренная, кому-то она казалась в юности «высокомерной» и «по-детски деспотичной»⁵¹. А кто-то, как, например, сын Натаниэля Готорна, Джулиан, влюблялся в нее. Высокая блондинка с густыми волосами, она, как и Эми в «Маленьких женщинах», впадала в отчаяние из-за своего определенно не греческой формы носа и, как в романе, тщетно пыталась выправить его неровности с помощью бельевой прищепки. Луизе Олкотт казалось, что Мэй рождена под счастливой звездой: ей было суждено веселиться и получать от жизни наслаждение, как самой Олкотт, по ее ощущениям, было на роду написано работать на износ. Иногда с гордостью и удовольствием, иногда с сожалением, а иногда в силу банальной привычки Луиза привыкла упорно трудиться и приносить себя в жертву, чтобы у Мэй было больше возможностей и больше удовольствия.

⁴⁹ A. Bronson Alcott, "To Anna, Louisa, Elizabeth, and May Alcott," 15 July 1842, *Letters*, p. 83.

⁵⁰ Louisa May Alcott, "To Anna Alcott Pratt," [after 17 December 1860], *Selected Letters*, p. 62.

⁵¹ Lydia Hosmer Wood, "Beth Alcott's Playmate: A Glimpse of Concord Town in the Days of Little Women," в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 167; Frederick L.H. Willis, *Alcott Memoirs*, в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 181.

Младшая из сестер Олкотт, Эбби Олкотт (1840–1879), предпочитала свое второе имя Мэй. Иллюстрации к первому изданию «Маленьких женщин» ей, начинающей художнице, давались весьма нелегко. Но впоследствии она значительно улучшила свое мастерство, и ее картины выставлялись в престижном Парижском салоне

Не имея возможности заработать достаточно, чтобы оставаться в «Хиллсайд-Хаус», Олкотты в 1848 году вернулись в Бостон. Здесь их финансовое положение достигло своего дна. Следующие полдюжины лет они были, по выражению Луизы, «бедны как крысы»⁵². Но в целом отсутствие денег и пронзительная чуткость четырех девушек к потребностям друг друга очень их сблизили. Хотя платные выступления Бронсона приносили скромные, но желанные суммы, у каждой из девочек оказалась своя роль в материальной поддержке семьи. Луиза преподавала в школе, работала гувернанткой, занималась шитьем и за гроши продавала в журналы свои

⁵² Louisa May Alcott, *Journals*, p. 65.

ранние рассказы. Анна также занималась преподаванием и брала на себя заботу о чужих детях. Кроме того, Луиза считала ее самым «близким другом и утешительницей»⁵³. Лиззи, уже будучи неисправимой домоседкой, стала «нашей маленькой домохозяйкой, нашим ангелом на кухне в подвальном этаже», дав возможность матери открыть в Бостоне бюро по трудоустройству, тем самым добавив в семейный кошелек еще несколько крайне необходимых долларов⁵⁴. Слишком юная, чтобы работать вне дома, Мэй ходила в школу, получала призы за свои рисунки и училась на преподавателя. Хотя на тот момент Олкоттам не хватало финансов даже на самих себя, их дом стал убежищем «для потерявшихся девочек, подвергшихся насилию женщин [и] оставшихся без друзей детей»⁵⁵. В 1855 году, когда семья снимала жилье на Пинкни-стрит, Луиза часто уединялась на чердаке дома, где сидела «в окружении бумаг и кучки яблок, которые жую, пока пишу дневник, сочиняю рассказы и наслаждаюсь стуком дождя по крыше, в тишине и покое»⁵⁶. Как писательница позже поняла, уже тогда она сама послужила прообразом для «Джо на чердаке»⁵⁷. Четыре сестры Олкотт, все вместе, воплотили в жизнь такое наблюдение своего отца: «Семья – всего лишь название для более многогранного синтеза душ»⁵⁸. Ярко ощущая надежную сплоченность дочерей, Бронсон назвал их четверку «золотой командой»⁵⁹.

В доме «Орчард-Хаус» в Конкорде семья Олкотт проживала с 1858 по 1877 год. В 1962 году он был признан объектом исторического наследия и с тех пор служит центром притяжения для тех, кто любит Луизу Мэй Олкотт, ее произведения и ее семью

⁵³ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 69.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 67.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Ibid.*, p. 73.

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ A. Bronson Alcott, *Journals*, p. 77.

⁵⁹ A. Bronson Alcott, *Letters*, p. 798.

В трудные подростковые и юношеские годы поддержка семьи была величайшим утешением для Луизы Олкотт, а потенциальная потеря этого пусть и застоя, но хотя бы стабильного, ужасала ее невероятно и постоянно. Этот страх стал воплощаться в жизнь летом 1856 года. Олкотты только что перебрались из Бостона в более деревенский Уолпол в штате Нью-Гэмпшир. Там, верные своим привычкам проявлять сострадание, они подружились с обнищавшей семьей Холл, которые, приобретая немецкие черты, появятся в «Маленьких женщинах» в виде Хаммелей. Бедность Холлов была не такой благородной, как у вымышленных героев романа; они жили в помещении над подвалом, который использовался как свинарник. Луиза Олкотт работала в Бостоне, когда ее мать, Лиззи и Мэй стали ухаживать за больными детьми Холлов. Вернувшись домой, она обнаружила, что Лиззи сильно разболелась, подхватив скарлатину. Лиззи справилась с начальными проявлениями болезни, но лихорадка ослабила ее, окончательно и бесповоротно. Олкотт сделала для своей больной сестры все, что могла. Сам факт того, что у Лиззи подкосилось здоровье, поразил ее чрезвычайно, словно кто-то напал на саму семью. И хотя Луиза не имела привычки молиться вслух, она все же призвала Бога «помочь нам всем и сохранить нас друг для друга»⁶⁰.

На какое-то время Лиззи окрепла. Однако через год после первичного заражения сестры Олкотт написала в своем дневнике: «Боюсь, что она может уйти, не прощаясь, ведь ее, похоже, никогда особенно не заботил мир за пределами дома»⁶¹. До сентября 1857 года Лиззи быстро слабела. В разгар болезни Бронсон Олкотт снова решил перевезти семью жить в Конкорд, уже в третий раз. На этот раз за гигантскую сумму в 945 долларов он приобрел стопятидесятилетний дом на Лексингтон-роуд, в нескольких минутах ходьбы к западу от «Хиллсайд-Хаус» – дома, который приютил семью десятью годами ранее. Поскольку на участке имелось в наличии по меньшей мере сорок яблонь, Бронсон окрестил свой новый дом «Орчард-Хаус» – дом с фруктовым садом. Здание оказалось слишком ветхим, в него нельзя было заселяться сразу. Поэтому Олкотты, ожидая завершения необходимых ремонтных работ, ненадолго разместились в доме на Бедфорд-стрит. Лиззи этого ожидания не пережила. Как-то в начале марта 1858 года она отложила швейную иглу и сказала, что та для нее «слишком тяжелая»⁶². А четырнадцатого числа в три часа ночи Лиззи Олкотт скончалась. Ей не исполнилось и двадцати трех.

В память о Лиззи Олкотт написала стихотворение, которое в отредактированной версии включено в роман «Маленькие женщины», в ту главу, где умирает Бет. Однако в оригинальном стихотворении была строфа, которую Олкотт не стала публиковать, а тихо оставила при себе:

*Мой Пилигрим! Из нас из всех
Ты первый, кто готов
Доверчиво идти вперед
В страну извечных снов.
Научишь нас, что лишь сильнеей
Любовь, когда разрыв...
Стать ангелом желаешь ты,
На небо нас сманив»⁶³.*

⁶⁰ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 79.

⁶¹ Ibid., p. 85.

⁶² Ibid., p. 88.

⁶³ Matteson, *Eden's Outcasts*, p. 237. Gentle pilgrim! First and fittest, Of our little household band; To journey trustfully before us Hence into the silent land. First, to teach us that love's charm Grows stronger being riven; Fittest, to become the Angel That shall beckon us to heaven. (Пер. наш. – Е. А.)

Олкотт признавалась, что скучает по Лиззи не так сильно, как боялась. Дошло даже до заявления, что смерть сестры оказала ей услугу, заставив посмотреть в целом на смерть как на нечто «прекрасное... доброжелательное и удивительное»⁶⁴. Однако, несмотря на столь торжественное заверение, Олкотт переживала, когда семья, в отсутствие необходимости заботиться о Лиззи, что и держало их вместе, стала распадаться. «Итак, вот и первая потеря», – написал Олкотт, когда умерла Лиззи⁶⁵. Потери ждали их и в будущем. Мэй уехала в Бостон. Бронсон с головой ушел в ремонт дома, а Абба замкнулась в своих воспоминаниях. Анна, ближайшая подруга Луизы, отдалилась еще больше. Менее чем через месяц после смерти Лиззи она объявила о своей помолвке с высоким интеллигентным мужчиной, из местных, по имени Джон Бридж Пратт. У пары родятся двое детей: Фредерик Олкотт Пратт в 1863 году и Джон Сьюэлл Пратт в 1865-м. Ухаживания Джона Брука за Мэг в романе «Маленькие женщины» Джо воспринимает как чрезвычайно болезненное предательство. Помолвка Анны и Пратта обрушилась на Олкотт с таким же эффектом. Хотя она считала характер Пратта безупречным, называла его «образцовым сыном и братом» и «настоящим мужчиной», но в частной переписке замечала, что никогда не простит ему то, что он забрал у нее Анну⁶⁶. И пока мнимая заброшенность Джо в «Маленьких женщинах» выстраивается ради комического эффекта, долгоиграющие последствия помолвки Анны развернулись в сторону трагедии.

⁶⁴ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 89.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

В детстве Джон Бридж Пратт (1833–1870) проживал со своей семьей в утопической общине, известной как «Брук-Фарм». Он женился на Анне Олкотт в 1860 году и выступил прототипом Джона Брука для романа «Маленькие женщины»

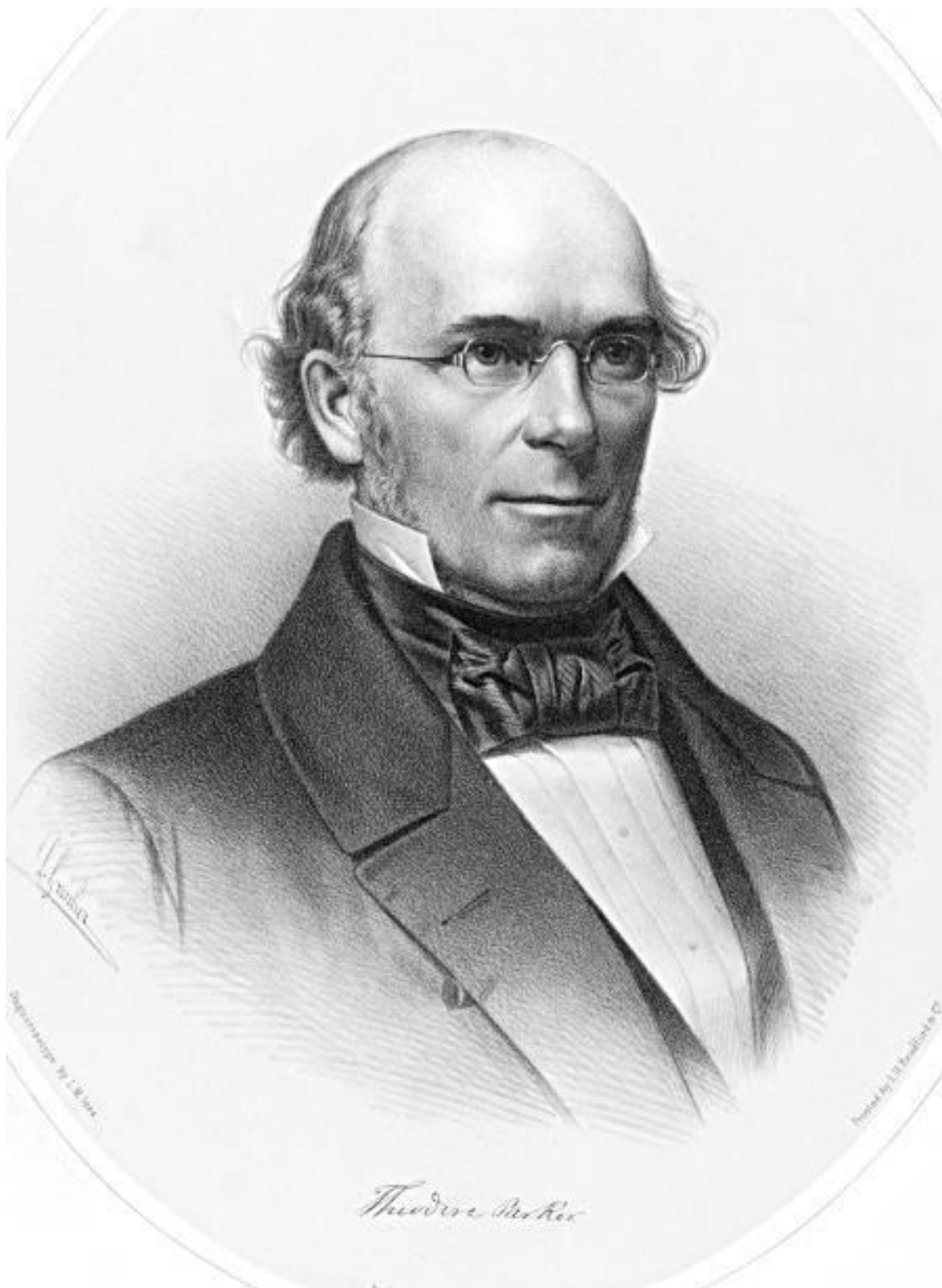
В октябре в поисках работы Олкотт переехала в Бостон и ничего не нашла. Такая неудача наряду с недавним истиранием семейных уз направила ее мысли в опасное русло. Ноги сами отнесли ее к городской мельничной плотине, где она стояла и смотрела в воду, размышляя, не прыгнуть ли. Но ей показалось, что это «так заурядно: повернуться и сбежать, хотя битва еще не проиграна», и она отступила от края, «решив схватить судьбу за горло и вытрясти из нее средства к существованию»⁶⁷. Луиза обратилась за советом к Теодору Паркеру, прогрес-

⁶⁷ Louisa May Alcott, "To the Alcott Family," 3 or 10 October 1858, *Selected Letters*, p. 34; Louisa May Alcott, *Journals*, p. 90.

сивному унитарянскому священнику, который стал известен как заклятый враг рабства. Он дал ей тот же совет, что и остальным членам своей паствы: «Доверяй своим ближним и позволь им тебе помочь. Забудь про гордость, проси и соглашайся на самую скромную работу, пока не найдешь то, что хочешь»⁶⁸. Паркер, позже представленный в роли преподобного Пауэра в романе Олкотт 1873 года «Работа»⁶⁹, поддержал Олкотт именно так, как ей было необходимо, и она смогла с новой силой развернуться навстречу жизни.

⁶⁸ Louisa May Alcott, *Journals*, 91.

⁶⁹ “Work. A Story of Experience”. – Прим. Е. А.

Своим мудрым советом и личным убедительным нравственным примером священник-аболиционист Теодор Паркер помог Олкотт в 1858 году справиться с суицидальной депрессией

Как только Олкотт справилась с кризисом, вызванным объективной потерей одной сестры и субъективной потерей другой, ее жизнь изменилась: она сблизилась с отцом и стала больше писать. Восстановление близких отношений с Бронсоном фактически началось годом ранее; тогда в гости приезжала бабушка со стороны отца, она-то и пояснила Луизе, что «раньше

никогда так ясно не осознавала, как многого он добился»⁷⁰. По-новому заужав идеалы и усилия отца, Олкотт задумала написать о его стремлениях роман, который она назвала бы «Цена идеи»⁷¹. Следующие пятнадцать лет она будет безуспешно искать способ его написать. Но более явной силой, сблизившей Олкотт с отцом, было его беспокойство по поводу депрессии дочери. Он стал проводить с ней гораздо больше времени и обнаружил, что некогда неуправляемая Луиза теперь «отлично себя вела и доставляла мне огромное удовольствие»⁷². Бронсон впервые проявил сильный интерес к ее творчеству и лично отнес рукопись ее рассказа «Любовь и любовь к себе»⁷³ редактору престижного журнала *Atlantic Monthly*. В журнале рассказ приняли, и Луиза с удвоенной силой принялась писать, уже с ощущением, что «я не зря тратила все эти годы, и, возможно, у меня еще будут и напечатанные книги, и издатели и собственное состояние»⁷⁴.

⁷⁰ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 85.

⁷¹ “The Cost of an Idea”. – *Прим. Е. А.*

⁷² A. Bronson Alcott, “To Abigail May Alcott,” 4 December 1858, *Letters*, p. 282.

⁷³ “Love and Self-Love”. – *Прим. Е. А.*

⁷⁴ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 95.

Наряду с привлекательным поляком Ладисласом Вишневски, на создание Лори в «Маленьких женщинах» Луизу вдохновил ее друг Альф Уитмен

Рвение, с которым Олкотт стремилась к литературному успеху, не мешало ей с удовольствием вести активную жизнь в Конкорде, жизнь, которая подкидывала все больше и больше идей для «Маленьких женщин». К 1858 году Олкотт с сестрой Анной закончили играть в ими же написанных мелодраматических пьесах, но продолжали довольно активно работать в мест-

ном театре. В постановке Ч. Диккенса «Одержимый»⁷⁵ Луиза сыграла Софи, жену Дольфуса Теттерби, которого изображал на сцене шестнадцатилетний юноша по имени Альф Уитмен. Уитмен, потерявший некоторое время назад мать, произвел на Луизу впечатление человека «гордого, холодного и застенчивого с другими людьми, грустного и серьезного, его доброе сердце и чуткая совесть указывали на его недостатки, но такого благодарного за проявление сочувствия и доброе слово»⁷⁶. Репетиция за репетицией, Олкотт растопила его сдержанность. Хотя юноша прожил в Конкорде меньше года, они стали верными друзьями, и Олкотт продолжала ему писать вплоть до 1869 года. В начале того года она ему призналась, что именно он воплощал «рациональную половину» Лори в «Маленьких женщинах» и что она включила его «в произведение как одного из лучших и самых дорогих моему сердцу ребят, которых когда-либо знала»⁷⁷.

Натаниэль Готорн с семьей владели бывшим домом Олкоттов с 1852 года, который переименовали в «Уэйсайд». Однако, когда Олкотты снова переехали в Конкорд, Готорны находились в Европе. В 1860 году они вернулись, и Олкотт получила новый источник вдохновения для создания живого юного персонажа мужского пола. Джулиану Готорну, единственному сыну писателя, на тот момент только исполнилось четырнадцать. По оценке Олкотт, он был «порядочным мальчиком, у которого на уме были картинки, удочки и веселье»⁷⁸. Со всем юношеским пылом Джулиан моментально влюбился в Мэй. Будучи весьма доверчивым, он вскоре превратился в соблазнительную мишень для шуточных выходок Олкотт. Джулиан не смог забыть, как однажды Луиза и Мэй оповестили его, что ожидается приезд одного родственника, красавчика из Англии, и как 1 апреля действительно прибыл этот стройный усатый незнакомец. Англичанин приобнял Мэй за талию и довел Джулиана до приступа немой ярости, назвав его «мое дорогое дитя». У Джулиана уже сжались кулаки и побагровело лицо, как вдруг незнакомец сорвал с себя черную фетровую шляпу, и копна черных волос упала на талию. Это была не кто иной, как сама Луиза, которая бросилась наутек с криком «Первое апреля – никому не верю!». Хотя сама Олкотт это и отрицала, Джулиан (по крайней мере, позже) считал, что именно он, и никто другой, послужил основой для создания Лори⁷⁹.

⁷⁵ «Одержимый, или Сделка с призраком». – Прим. Е. А.

⁷⁶ Elizabeth Bancroft Schlesinger, “The Alcotts through Thirty Years: Letters to Alfred Whitman,” p. 364.

⁷⁷ Louisa May Alcott, “To Alfred Whitman,” 6 January 1869, *Selected Letters*, p. 120.

⁷⁸ Louisa May Alcott, “To Adeline May,” July [?] 1860, *Selected Letters*, p. 57.

⁷⁹ Louisa May Alcott, “To Miss Holmes,” 16 August 1872 [?], *Selected Letters*, p. 167; Julian Hawthorne, [“Memories of the Alcott Family”], в книге: *Alcott in Her Own Time*, p. 199.

Для этой групповой фотографии трое детей Натаниэля Готорна – Уна, Джулиан и Роуз – позировали примерно в 1859 году. Джулиан, любимец Олкотт и жертва некоторых ее розыгрышей, утверждал, что также выступил прототипом для Лори

В «Маленьких женщинах» Гражданская война всегда на расстоянии. Хотя она временно лишает сестер Марч их отца и даже, пусть и ненадолго, грозит забрать его навсегда, ни одна из девочек не сталкивается непосредственно с ее пропитанным кровью ужасом. У самой Олкотт не было такой возможности. Когда в 1861 году вспыхнула война, Бронсону Олкотту было за шестьдесят. В отличие от мистера Марча, священника Потомакской армии, старший Олкотт не служил. Из Олкоттов на войну пошла Луиза. Как только в ноябре 1862 года ей исполнилось тридцать и тем самым она получила право на военную службу, она подала заявление о назначении на должность военной медсестры.

Через несколько дней пришел приказ, и Луизу Мэй отправили в *Union Hotel Hospital* в Джорджтауне, округе Колумбия. Она пробыла там всего день или два, как в госпиталь хлынула волна раненых, только что эвакуированных с места масштабного бедствия, известного как битва при Фредериксберге. Работая до изнеможения, Олкотт обрабатывала и перевязывала раны, писала письма за неграмотных пациентов и читала Диккенса тем, кто жаждал чуточку отвлечься от ощущения одиночества и чувства боли. Больница была, по словам Олкотт, настоящим «ящиком с чумой»⁸⁰. Шокирующая антисанитария наряду с немилосердным графиком работы быстро сделала свое жуткое дело. Олкотт свалилась с ног, пав жертвой тифозной пневмонии. Бронсон и Абба получили в Конкорде телеграмму. Сестра-хозяйка, сама умирающая от аналогичной болезни, настоятельно советовала им срочно приехать. И так, как и в «Маленьких женщинах», обезумевший от горя родитель отправился на юг, чтобы спасти члена семьи от разрушительных последствий войны. И поехала не мать, а Бронсон, и спасать нужно было жизнь не главы семьи, а Луизы. Целых три недели Олкотт пролежала в бреду, охваченная причудливыми галлюцинациями. Но отец успел приехать довольно быстро; она выжила.

И в реальной жизни, и в романе этот эпизод болезни и спасения стоил второй старшей дочери волос. В пятнадцатой главе «Маленьких женщин», Джо Марч, как известно, продает свои волосы, чтобы профинансировать милосердную миссию мамы; менее известен факт, что врачи обрили Олкотт голову, стараясь спасти ее жизнь. Олкотт оплакивала в дневнике потерю своей «единственной красоты», это сожаление ей пришлось повторить и в «Маленьких женщинах». Но она философски добавила: «Это все ерунда, я могла потерять голову целиком; лучше уж парик снаружи, чем отсутствие разума внутри»⁸¹.

Именно во время болезни Олкотт получила то злополучное, почти смертельное воздействие каломели. Ртуть разрушила ей десны и повредила нервную систему. Десятки лет спустя на нее ни с того ни с сего накатывали и так же внезапно исчезали приступы боли, из-за чего Олкотт часто была вынуждена писать, решительно и демонстративно игнорируя неприятные физические ощущения. Она вспоминала: «Когда я работала над “Маленькими женщинами”, одна рука висела в биндаже, голова была перевязана, и болезненно ныла нога, наверное, боль положительно влияет на мои произведения»⁸². Хотя ученые расходятся во мнениях относительно точной причины смерти Олкотт, есть, по крайней мере, вероятность, что ее гибель ускорили регулярно проявляющиеся последствия воздействия ртути, циркулирующей в ее организме. Если это правда, то причины ее смерти были приведены в движение еще до того, как она опубликовала свои книги, воскрешающие память о ней, а ее гибель – результат затяжных потерь вследствие Гражданской войны.

Однако при этом работа Олкотт во время войны имела и другую сторону: дарующую полное искупление. По крайней мере, пока не стали очевидными отсроченные последствия отравления, она приветствовала свою вторую жизнь с обновленным оптимизмом, чувствуя себя «будто заново рожденной [;] все казалось таким прекрасным, таким новым»⁸³. Серьезнейшее испытание также навсегда изменило ее отношения с отцом. И Бронсон, и Абба считали излечение дочери практически чудом. Как и Лиззи, Луиза прошла через свою долину, но смогла вернуться. Бронсон открыл еще одну причину пересмотреть свой взгляд на белую ворону в семье. Он десятилетиями ценил лишь самопожертвование. Теперь Луиза почти всю себя отдала ради святого дела: ради эмансипации и Союза. Бронсон больше никогда не забывал про бескорыстную храбрость дочери и, похоже, больше ни разу не написал о ней ни одного слова критики.

⁸⁰ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 114.

⁸¹ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 117.

⁸² Louisa May Alcott. “To the Lukens Sisters,” 2 October [1874], *Selected Letters*, p. 185.

⁸³ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 118.

Спустя почти двадцать лет после военной службы Луизы он сочинил сонет, восхваляя ее храбрость. И закончил его строкой: «Я к сердцу тебя прижимаю, как верное Долгу дитя»⁸⁴.

Работа Олкотт в госпитале подарила ей еще одно важное преимущество. До того, как она отправилась на войну, в ее рассказах, как правило, ярко была представлена причудливая игра воображения, что часто указывает на недостаток жизненного опыта. Ей еще предстояло усвоить краеугольную заповедь художественной литературы: пиши о том, что знаешь. Теперь полет ее фантазии осуществлялся со столь необходимым балластом, уверенным и невеселым пониманием того, как устроена жизнь. Олкотт не преминула тут же использовать свое новое знание, искусно превратив воспоминания о войне в сборник литературно обработанных очерков, который назвала «Больничные записки». Книга стала первой крупной успешной публикацией Олкотт в более крупном, чем журнальный рассказ, жанре. Что еще важнее, она заметила, что работа над ее созданием «показала мне мой стиль, и, поняв намек, я пошла туда, где меня ждала слава»⁸⁵.

⁸⁴ A. Bronson Alcott, *Sonnets and Canzonets*, p. 73.

⁸⁵ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 124n.

HOSPITAL SKETCHES.

BY

L. M. ALCOTT.

“Which, naming no names, no offence could be took.”—*Sairy Gamp*.

BOSTON :

JAMES REDPATH, PUBLISHER,

221 WASHINGTON STREET.

1863.

В 1863 году Олкотт переписала письма, которые отправляла домой из Джорджтауна, в слегка беллетризованные мемуары, которые назвала «Больничные записки»

По правде говоря, Олкотт все еще предстояло пройти определенный путь – и даже пару раз свернуть не туда – прежде чем она добилась настоящей литературной славы. Одним из таких нетвердых, но значимых шагов выступил ее первый опубликованный роман для взрослой аудитории. Вышедший в 1864 году под простым названием «Настроения», в качестве своей

философской основы роман использовал цитату Эмерсона, друга и наставника Олкотт, который отметил в своем эссе «Опыт»: «Жизнь – это череда настроений, как нанизанные на нить бусины, и, когда мы их перебираем, оказывается, что это разноцветные линзы, окрашивающие мир в свой особый оттенок, и каждая показывает лишь то, что находится в ее фокусе»⁸⁶. У героини романа, Сильвии Юл, действительно то одно настроение, то другое. Она «постоянно впадает в крайности», и ее брат замечает, что из нее «либо брызжет неестественная экспрессия, либо льется такая тоска, что рвется сердце»⁸⁷. В одной из глав Сильвия обреченно лежит в постели, «устав от всего и всех»⁸⁸. Несколько глав спустя она в порыве бросается к лесному пожару и едва не сгорает заживо. Позже по сюжету она благодарна, что у нее нет ребенка, которому она могла бы передать свои «душевные недуги»⁸⁹. Олкотт сильнее всего отождествляла себя именно с Сильвией, чем с любой другой из своих вымышленных героинь, включая Джо Марч. Возможно оттого, что ее душа имела нечто общее с беспокойной, эмоционально неустойчивой душой Сильвии. Как и ее альтер эго – Джо Марч в «Маленьких женщинах», в писательском деле Олкотт следовала весьма эксцентричной творческой манере. Она становилась «совершенно одержимой» своим произведением, иногда писала целыми днями, чувствуя, что внутри бьет ключом неумная энергия, и «не могла остановиться, чтобы просто встать»⁹⁰. Затем, когда энергия заканчивалась, Олкотт падала в изнеможении. И в «Маленьких женщинах», и в дневнике она называла эти взрывы почти исступленной креативности «вихрями» – периодами интенсивной, похожей на водоворот турбулентности, из которых она извлекала свои образные шедевры. Такие завихрения ее и бодрили, и пугали; порой она боялась, что не выдержит, попав в одно из них⁹¹. Добавьте к этому явное наличие биполярной схемы поведения у родственников по отцовской линии, и предположение, что Олкотт сама страдала каким-то расстройством настроения, будет выглядеть не таким уж надуманным.

В «Маленьких женщинах» Олкотт описывает, как Джо изо всех сил старается оставаться верной своему личному видению, одновременно угождая разнообразной аудитории, и как она впоследствии обнаруживает, что книга, которая хочет угодить всем, скорее всего не угодит никому. Хотя «Настроения» вряд ли можно считать литературным провалом (чем, по-видимому, стал роман Джо), дебютный опыт Олкотт явно послужил основой для плачевного литературного крещения Джо. Издатель Олкотт, А. К. Лоринг, потребовал, чтобы она радикально сократила книгу. Ему также не нравились отрывки хоть с какой-то философской глубиной или моральной двусмысленностью: по его словам, он предпочитал «историю, которая меня трогает, которая волнует... историю, где есть непрерывное действие, суэта и движение»⁹².

Олкотт храбро принесла в жертву десять глав, да и много чего еще, обеспечивая необходимое движение, но по большей части перечеркивая пронизательность и откровенность ее изначального порыва. Сама история претерпела такие изменения, что больше не выглядела, как планировала Олкотт, «попыткой показать ошибки капризной натуры, действия которой подчиняются порывам, а не принципам», а оказалась, скорее, намного более традиционной историей о любви и браке⁹³. Когда ей вернули отредактированную версию, все главы «казались маленькими, глупыми и написанными не мной»⁹⁴. Олкотт, как и Джо в «Маленьких женщинах», выкинула «все части, которыми особенно восхищалась» и, проделав это «из добрых

⁸⁶ Ralph Waldo Emerson, "Experience," в книге: *Essays and Lectures*, p. 473.

⁸⁷ Louisa May Alcott, *Moods*, в книге: *The Portable Louisa May Alcott*, ed. Elizabeth Lennox Keyser, pp. 168, 166.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 159.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 328.

⁹⁰ Louisa May Alcott, *Journals*, pp. 99, 103.

⁹¹ *Ibid.*, p. 213.

⁹² A. K. Loring, "To Louisa May Alcott," n.d., MSS6255, *Papers of Louisa May Alcott*, University of Virginia Special Collections.

⁹³ Louisa May Alcott, *Moods*, p. 157.

⁹⁴ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 133.

побуждений», впоследствии удивилась, обнаружив, что в глазах некоторых она «сделала хуже». Восемнадцать лет спустя, когда ее богатство и слава лишили редакторов возможности диктовать свои условия, Олкотт переработала и переиздала «Настроения» в том виде, который соответствовал ее изначальному замыслу. Следующий за «Настроениями» роман должен был быть намного лучше.

Но прежде чем смог появиться второй роман, «Маленькие женщины», Олкотт предстояло получить еще один определяющий ее дальнейшее развитие опыт. В 1865 году, вскоре после окончания Гражданской войны, состоятельный друг Олкоттов, Уильям Уэлд, захотел отправить свою дочь-инвалида Анну в большое путешествие по Европе. И Олкотт с ее опытом ухода за больными казалась идеальной для такой поездки спутницей. В июле две женщины в компании Джорджа, сводного брата мисс Уэлд, сели на пароход, направлявшийся в Англию. Первая поездка Олкотт в Европу длилась ровно год. То, как Мэй описывала в романе «Маленькие женщины» Лондон, Париж и Германию, как и яркое повествование Олкотт о пребывании Мэй в Ницце, – все это обязано своей живостью и непосредственностью путешествиям Олкотт с семейством Уэлдов. Но был один эпизод, не имеющий точных параллелей в сюжете «Маленьких женщин», который оказал наиглубочайшее и наипрочнейшее влияние на Олкотт и ее будущий роман. В октябре 1865 года путешественники остановилась в швейцарском городе Веве, чтобы провести конец осени в пансионе «Виктория». Именно там в ноябре Олкотт познакомилась с Ладисласом Вишневецки, молодым поляком с чарующе изысканными манерами, и нашла его «очень веселым и приятным», хотя тот был болен и к тому же сидел в тюрьме за участие в недавнем неудавшемся на его родине бунте, в котором молодые поляки боролись против призыва в русскую армию⁹⁵.

Вишневецки, которого Олкотт звала «Лэдди», был превосходным пианистом. Вишневецки и Олкотт, словно Шопен и Жорж Санд, сыграли свои роли в их «скромном романе», вспыхнувшем на берегах Женевского озера⁹⁶. Несколько месяцев спустя, когда Олкотт приехала в Париж, Лэдди приятно удивил ее, встретив на вокзале. Денег у них почти не было, поэтому они вместе неспешно гуляли в городских садах и парках и при лунном свете наслаждались концертами на Елисейских Полях. Олкотт вспоминала, что «никогда еще развлечения не стоили так дешево и не доставляли такого удовольствия»⁹⁷. В частном порядке Олкотт как-то признала, что прообразом для Лори в «Маленьких женщинах» выступил Альф Уитмен. По словам Фреда Уиллиса, Бронсон Олкотт проговорился, что именно Фреда использовали как вдохновение для создания Лори, и несложно представить, что Джулиан Готорн также отчасти вписывается в это уравнение. Тем не менее в самом известном публичном высказывании на эту тему Олкотт заявила: «Лори я срисовала с Лэдди настолько, насколько бледный набросок пером в состоянии запечатлеть живого любящего юношу»⁹⁸.

После возвращения в июле 1866 года в Конкорд Олкотт так и не посетило вдохновение великого художника. Обнаружив, что на семейных счетах за время ее отсутствия возникли долги, она принялась пачками штамповать беллетристические тексты для журналов. «Долгов я страшусь больше дьявола», – позже призналась она в дневнике, и этот страх заставлял ее работать, пока к концу года она не заболела и не выпала из процесса на полгода⁹⁹. При этом только в 1867 году Олкотт написала двадцать пять разнообразных рассказов и сборник сказок, в который входило еще четырнадцать текстов. В начале 1868 года она упоминала, что все еще

⁹⁵ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 144.

⁹⁶ Ibid., p. 145.

⁹⁷ Louisa May Alcott, “My Boys,” в книге: *Aunt Jo's Scrap-Bag: My Boys, Etc.*, pp. 27–28.

⁹⁸ Louisa May Alcott, «My Boys», в книге: *Aunt Jo's Scrap-Bag: My Boys, Etc.*, p. 34.

⁹⁹ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 158.

лелеет «заоблачную надежду» содержать семью и достичь полной финансовой независимости, хотя эта надежда, похоже, маячит на горизонте очень и очень далеко¹⁰⁰.

Осенью 1867 года Олкотт предложили стать редактором иллюстрированного детского журнала *Merry's Museum*. Одновременно с этим партнер издательства *Roberts Brothers* по имени Томас Найлз обратился к ней с другим предложением. Заметив нехватку хороших книг для юных читательниц, Найлз спросил Олкотт, не могла бы она написать роман и заполнить этот пробел. Олкотт согласилась на оба предложения, хотя ни одно из них не выглядело для нее привлекательно, и оба на первый взгляд уводили ее все дальше от мечты преуспеть в качестве серьезного автора. Она начала работать над книгой для девочек, но после первой неудачи отложила ее.

На какое-то время ее увлек заказ от *New York Ledger*. Нужно было написать эссе с советами для молодых женщин, которое она назвала «Счастливые женщины». В нем Олкотт раскрыла себя с той стороны, которую публика лишь частично, и то мельком, видела раньше: она проявилась как сторонница прав женщин и защитница женского таланта приносить пользу обществу в иной, отличной от супруги и матери, роли. Эссе включало зарисовки о жизни четырех женщин, без имени, «обычных во всем, кроме одного... они обладали неунывающей, отзывчивой натурой и любили ближнего своего больше, чем себя». Во всяком случае именно такими словами она охарактеризовала одну из них. Хотя первые три – врач, учительница музыки и миссионер – выбрали незамужнюю жизнь, каждая полностью реализовала себя в жизни и делах во имя других. Последняя из четырех героинь была завуалированным автопортретом: «женщина с ярко выраженной индивидуальностью», которая достаточно насмотрелась на «трагедию современной супружеской жизни» и предпочла «подчиниться инстинкту и стать хронической старой девой». Метафорически считая свои произведения детьми, Олкотт утверждала, что для нее «верным и любящим супругом выступает литература, а маленькая семья, которая зародилась вокруг нее, быть может, нелюбимая и неинтересная для других, – прибыльный источник удовлетворения для ее материнского сердца». В заключение она заверила своих читателей, что «в этом мире полно работы, для которой нужны все имеющиеся в наличии умы, сердца и руки». Женщинам, которые, как и сама Олкотт, не вышли замуж, она дала такое наставление: «Будьте верны себе; дорожите любым талантом, которым обладаете, и если вы будете добросовестно использовать его на благо других, то несомненно обретете гармонию и сможете извлекать из жизни не неудачи, а блистательный успех»¹⁰¹.

Собственный огромный успех Олкотт теперь был гораздо ближе, чем она представляла. В мае 1868 года Бронсон Олкотт связался с Томасом Найлзом. Старший Олкотт сам работал над книгой философских наблюдений, которую назвал «Скрижали», и он искал издателя. Мужчины подумали, что одновременный выпуск книги Бронсона и какого-то произведения авторства Луизы может оказаться разумной стратегией. Бронсон предложил, чтобы дочь написала книгу сказок. Найлза такая перспектива не воодушевила; ему все еще была нужна книга для девочек. Получив такую мотивацию от Найлза и отца, Олкотт принялась за рукопись, которую назвала «Маленькие женщины». Абба, Анна и Мэй с воодушевлением восприняли идею романа, основанного на семейных перипетиях девочек Олкотт двадцатилетней давности, но сама Луиза особого энтузиазма не испытывала. В своем дневнике она ворчала: «Я стараюсь, усердно работаю, хотя такие вещи мне не по вкусу. Никогда не любила девочек, да и кроме сестер знала немногих; но наши чудные пьесы и случаи из жизни могут оказаться интересными, хотя я, конечно, в этом сомневаюсь¹⁰²». Июнь еще не подошел к концу, а Олкотт написала дюжину глав, намереваясь, как сама позже признавалась, доказать Найлзу, что не в состо-

¹⁰⁰ Ibid., p. 162.

¹⁰¹ Louisa May Alcott, "Happy Women," в книге: L. M. Alcott: *Signature of Reform*, ed. Madeleine B. Stern, pp. 146–49.

¹⁰² Louisa May Alcott, *Journals*, pp. 165–66.

янии написать достойную книгу для девочек. Получившиеся главы она считала скучными, и поначалу Найлз согласился. Но потом он показал незаконченную рукопись своей племяннице, которая, читая, смеялась до слез. Почувствовав, что в его руки, возможно, попал успешный проект, он ободрил Луизу. Олкотт мгновенно погрузилась в написание черновиков еще десяти глав, попав в один из своих творческих вихрей. Она вернулась оттуда 15 июля, измотанная, с головной болью и 402 страницами рукописи. Это были первые двадцать две главы «Маленьких женщин». Первая часть была практически завершена. Она читалась лучше, чем ожидала Олкотт: подлинность истории, во многом основанной на реальной жизни ее семьи, сотворила чудо. Работа к этому моменту превратилась в семейный проект: Мэй в качестве иллюстраций для книги нарисовала четыре рисунка. Олкотт, хотя была довольна и произведением, и художественным оформлением, переживала, что граверы могут «испортить рисунки и сделать Мэг косоглазой, Бет без носа или Джо с двойным подбородком»¹⁰³. Найлз, со своей стороны, охотился за более крупной рыбой. Перечитав рукопись, он уверился в том, что книга «выстрелит, что значит, на мой взгляд, продажи будут хорошими». Он попросил Олкотт добавить еще одну главу, «в которой могли бы присутствовать намеки на будущее», а именно на продолжение романа¹⁰⁴. Олкотт тут же пошла навстречу, набросав двадцать третью главу «Тетя Марч решает вопрос», которую она специально закончила несколько заманчиво: «На этом опустим занавес. Мы ненадолго оставим Мэг, Джо, Бет и Эми. Когда занавес поднимется вновь, зависит от того, какой прием окажет публика первой части семейной драмы под названием “Маленькие женщины”».

Удивительные совпадения связывали Бронсона и Луизу Мэй Олкотт. День рождения у обоих выпал на 29 ноября, и под конец жизни их ждала еще одна странная параллель. С разницей в несколько недель осенью 1868 года два Олкотта, и отец, и дочь, оба совершили величайший в своей жизни литературный прорыв: Бронсон с книгой «Скрижали», а Луиза с первой частью «Маленьких женщин». «Скрижали» продавались быстро и, по словам Луизы, «получили высокую оценку», зато «Маленькие женщины» произвели литературный фурор. Как и предсказывал Найлз, книга Олкотт для девочек мгновенно возымела успех. За октябрь распродали первое издание, а к концу года из печати вышло уже четыре с половиной тысячи экземпляров. Найлз немедленно стал настаивать на втором томе, и 1 ноября Олкотт приступила к работе, решив писать по главе в день, чтобы закончить до конца месяца. Она двигалась вперед «как паровоз» и почти уложила в этот самоустановленный график, завершив тринадцать глав к семнадцатому числу¹⁰⁵. Свой тридцать шестой день рождения, который пришелся на двадцать девятое ноября, Луиза провела «в одиночестве, сочиняя изо всех сил»¹⁰⁶. Хотя затем темп ее работы замедлился, ей удалось отправить вторую часть в *Roberts Brothers* в первый день нового 1869 года.

Самая большая проблема, с которой Олкотт столкнулась при написании второй части, заключалась не в недостатке времени и энергии, а в конфликте по содержанию. Некоторые особенно набожные читатели оскорбились тем, что сестры Марч ставили пьесу на Рождество, но от этих нападков Олкотт просто отмахнулась. Была претензия, которая раздражала Олкотт гораздо сильнее, она раз за разом появлялась в письмах, которые потоком лились от поклонников, вдохновленных первой частью. Олкотт сокрушалась: «Девочки пишут, чтобы спросить, за кого выйдут замуж маленькие женщины, как будто это единственная цель и смысл жизни женщины»¹⁰⁷. Ее восхищенная публика, казалось, жаждала увидеть Джо в паре с Лори, и эта

¹⁰³ Louisa May Alcott, “To Thomas Niles,” mid July [?] 1868, *Selected Letters*, p. 117.

¹⁰⁴ Thomas Niles, “To Louisa May Alcott,” 25 July 1868, в книге: *Louisa May Alcott, Little Women: A Norton Critical Edition*, ed. Anne K. Phillips and Gregory Eiselein, p. 418.

¹⁰⁵ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 167.

¹⁰⁶ *Ibid.*

¹⁰⁷ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 167.

перспектива приводила ее в ярость. Она демонстративно заявила: «Я не стану выдавать Джо за Лори, лишь бы кому-то угодить»¹⁰⁸. Олкотт предпочла бы, чтобы Джо «осталась старой девой, увлеченной лишь литературой»¹⁰⁹. Но не вышло. Опасаясь общественной реакции на потенциальное одиночество Джо Марч, *Roberts Brothers* настаивало на том, чтобы героиня вышла замуж. Олкотт так высказала свое недовольство брату своей матери, Сэмюэлю Мэю: «Издатели такие упрямые, не дают авторам возможность делать то, что они хотят, и в итоге моей маленькой женщине придется вырасти и очень глупо выйти замуж»¹¹⁰. Правда, Олкотт тоже могла быть упрямой. Неохотно согласившись на компромисс, она «своенравно подобрала забавную партию» для Джо; так и родился профессор Баэр. Олкотт полностью отдавала себе отчет, что продолжение романа «разочарует большинство читателей или даже вызовет серьезное недовольство». Отказавшись соединить Джо и Лори, она хладнокровно предположила: «Я понимаю, что на мою голову выльется не один сосуд с гневом, но я решила насладиться такой перспективой»¹¹¹.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Louisa May Alcott, "To Elizabeth Powell," 20 March 1869, *Selected Letters*, p. 125.

¹¹⁰ Louisa May Alcott, "To Samuel Joseph May," 22 January 1869, *Selected Letters*, pp. 121–22.

¹¹¹ Louisa May Alcott, "To Elizabeth Powell," 20 March 1869, *Selected Letters*, pp. 124–25.

Олкотт в возрасте около сорока лет в пышном наряде «Позолоченного века»

Однако гнев никто не изливал. Зато бесконечным потоком полились заказы на книги. К концу 1869 года из печати вышло около двадцати тысяч экземпляров первой части и восемнадцати тысяч второй, и это было только начало. С 1868 по 1882 год коммерческому изданию первой части предстояло выдержать шестьдесят семь тиражей. За тот же период вторая часть выдержала шестьдесят пять тиражей. По мудрому совету Найлза Олкотт сохранила авторские

права на оба тома. Если такое решение и не сделало ее непомерно богатой, то, по крайней мере, гарантировало, что она и другие члены семьи Олкотт будут вести комфортную жизнь до конца своих дней. Здесь нужно добавить пару слов для понимания контекста. В 1870 году фермер в Массачусетсе зарабатывал чуть больше среднего, если получал 20 долларов в месяц с питанием. Плотник получал больше, чем в среднем специалист его профессии, если приносил домой 3 доллара в день¹¹². В том году Олкотт сообщила о доходе в 2500 долларов в качестве авторского гонорара за «Маленьких женщин»; в следующем эта сумма выросла больше чем в три раза. В январе 1872 года *Roberts Brothers* выплатило ей 4400 долларов – шестимесячный авторский гонорар за книги, уже включая романы «Старомодная девушка» и «Маленькие мужчины», которые она написала для издательства. Найлз, радуясь ее успеху в 1870 году, провозгласил Олкотт «волшебницей или, скорее... добрым духом, который отвечает на любое трение волшебной лампы»¹¹³.

Ее сестра Анна в 1871 году выразилась так: «Теперь, когда она нашла свой горшочек с золотом, она может отдыхать вечно»¹¹⁴. Но Олкотт не прекратила работать. Она так долго заставляла себя писать и зарабатывать для семьи деньги, что, казалось, просто не могла остановиться... как и не могла осознать, что больше не нужно прикладывать сверхчеловеческие усилия, чтобы не скатиться в бедность. Она продолжала писать, часто почти до изнеможения, превращая события своей жизни, как она выразилась, «в хлеб с маслом»¹¹⁵. С неудержимым удовлетворением она рассуждала: «Двадцать лет назад я твердо решила, если получится, сделать свою семью финансово независимой. В сорок я это сделала»¹¹⁶. Но состояние ее здоровья оставалось шатким, к тому же слава повлекла за собой отсутствие частной жизни, что подтачивало нестабильную нервную систему Луизы. «Я просила хлеба, – жаловалась она, – а получила камень... в виде пьедестала»¹¹⁷. Репортеры сидели на стене «Орчард-Хаус» и все записывали. Художники делали наброски, как только она выходила в сад. Посвяительство на личную жизнь часто ее раздражало, и Олкотт, сбегая, порой вылезала через заднее окно. Тем, кто советовал ей принять славу как благо, она лаконично советовала «Пусть сами попробуют»¹¹⁸.

¹¹² *The Conference on Research in Income and Wealth, Trends in the American Economy in the Nineteenth Century*, p. 457.

¹¹³ Thomas Niles to Louisa May Alcott, 24 March 1870, цитируется по книге: Joel Myerson and Daniel Shealy, “The Sales of Louisa May Alcott's Books,” p. 54.

¹¹⁴ Anna Alcott Pratt to Alfred Whitman, 18 June 1871, цитируется по книге: Schlesinger, “The Alcotts through Thirty Years: Letters to Alfred Whitman,” p. 379.

¹¹⁵ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 182.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 196.

¹¹⁸ Louisa May Alcott, *Journals*, p.183.

Луиза Мэй Олкотт на вершине успеха

Впрочем, успех приносил и приятные моменты. В 1870 году, только что завершив очередной бестселлер, роман «Старомодная девушка», Олкотт второй раз отправилась в путешествие по Западной Европе, на этот раз в компании своей сестры Мэй и подруги семьи Элис Бартлетт. Конец осени и начало зимы 1875/76 г. она провела, наслаждаясь роскошной жизнью в Нью-Йорке, кружась в водовороте «клубов, званых ужинов, галерей и театров»¹¹⁹. Но даже

¹¹⁹ Ibid., p. 197.

вкушая плоды своих трудов, она не могла забыть про свои обязательства: реальные и воображаемые, они преследовали ее по пятам. Олкотт не могла наслаждаться поездками в Нью-Йорк, не написав «пару рассказов... чтобы оплатить дорогу»¹²⁰. Удовольствие от путешествия по Европе нарушилось чрезвычайно трагично. Не успели путешествующие обосноваться на зиму в Риме, как из Конкорда пришла ужасная новость: внезапно скончался муж Анны, Джон, которому было всего тридцать семь лет. Продолжительный отпуск Олкотт немедленно превратился в рабочий. Чтобы Анна и ее двое детей не остались в нужде, она села писать «Маленьких мужчин», роман-продолжение «Маленьких женщин». И снова скорость, с которой она работала, была удивительной. Книга, которую она даже не планировала писать до декабря 1870 года, вышла в свет в Англии 15 мая 1871 года.

Олкотт поклялась стать для своих племянников «отцом»¹²¹. И чтобы сдержать обещание, она делала многое, в том числе ставила с ними пьесы и научила их играть в «Путешествие Пилигрима», как сама делала это в детстве. Она заботилась о Фредди и Джонни Праттах, но эта роль была не единственной в рамках ее семьи. Действительно, трудно представить себе место, которое она не заняла, особенно в ситуации, когда другой член семьи оказался неспособным выполнять свои обязательства. Целые десятилетия Олкотт была основным кормильцем семьи. После того как скончалась Лиззи, «наш домашний ангел», именно Луиза взяла на себя заботу о стареющих родителях. Когда она уехала работать в военный госпиталь, отец заметил, что отправляет на войну своего единственного «сына». В случае с Джонни Праттом суррогатное отцовство в итоге трансформировалось в законный родительский статус: в 1887 году Олкотт официально усыновила племянника, который затем сменил фамилию, чтобы иметь возможность возобновить авторские права после ее смерти.

Возраст и смерть постепенно истрепали семью Олкотт, и необходимость для Луизы брать на себя все мыслимые обязанности еще более возрастала. Бронсон, которого поддерживала на плаву вегетарианская диета и новая, начавшаяся со «Скрижалей» волна карьеры, оставался в крепком здравии и в свои восемьдесят был «активным, с живым умом, прямо как мальчик»¹²². Аббе повезло меньше. За два года до «Маленьких женщин» реальная миссис Марч уже выглядела немолодо и устало, у нее проявлялись «все возрастные признаки»¹²³. Со временем Луиза смогла принять, что Абба уже «больше никогда не будет нашим бесстрашным энергичным рулевым»¹²⁴. В начале и середине 1870-х годов Олкотт не жалела времени и денег, чтобы мать ни в чем не нуждалась. Казалось, что ее обязательства перед семьей лишь множились, при этом мощь, с которой бил ее литературный талант, не ослабевала. Кроме «Старомодной девушки» и «Маленьких мужчин» за десять лет, прошедших после выхода «Маленьких женщин», были опубликованы «Роза и семь братьев» (1875), «Юность Розы» (1876) и «Под сиренью» (1878). Помимо этих книг для юных читателей, она выпустила глубокомысленный роман для взрослой аудитории, который назвала «Работа» (1873), и искрометную повесть «Современный Мефистофель» (1877). Луиза также неизменно поставляла в журналы, такие как *St. Nicholas* и *The Youth's Companion*, рассказы, которые позже публиковала в напечатанных в типографии сборниках; среди них были «Серебряные кувшины» (1875), «Рассказы у прялки» (1884), «Гирлянда для девочек» (1887) и шеститомная серия «Сумка для мусора тети Джо» (1872–1882). В свободное время, которого было весьма немного, Олкотт агитировала за избирательные права для женщин. В 1879 году, когда в штате Массачусетс законодательно соизволили предоставить женщинам право голоса на выборах в школьные советы, Олкотт стала первой женщиной в Кон-

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 177.

¹²² Anna Alcott Pratt to Alfred Whitman, 15 May 1881, цитируется в книге: Schlesinger, "The Alcotts through Thirty Years: Letters to Alfred Whitman," p. 383.

¹²³ Louisa May Alcott, *Journals*, p. 153.

¹²⁴ Ibid., p. 188.

корде, зарегистрировавшейся в качестве избирателя. Она надеялась, что такую честь захочет потребовать для себя ее мать, но изменения в закон внесли слишком поздно. Измученная долгими годами тяжелого труда, но до глубины души признательная за то, что благодаря дочери ее преклонные годы прошли в счастье и комфорте, Абба Олкотт умерла за четыре дня до дня рождения Луизы в ноябре 1877 года.

Эрнест Ньерикер (1855–1936) женился на Мэй Олкотт. Луиза считала его «красивым, образованным и хорошим»

Круг семьи Олкотт постепенно сужался, что не могло не отразиться на семье Марч в ее художественных произведениях. В «Маленьких мужчинах» повествуется о смерти Джона Брука, альтер эго Джона Бриджа Пратта. «Маленькие мужчины выросли» начинаются с объявления о смерти вымышленной миссис Марч. Однако одну слишком болезненную для нее потерю Олкотт так и не смогла воспроизвести в романе. Ее младшая сестра Мэй, уже побывав два раза в Европе, в 1876 году отправилась туда в более длительную поездку, намереваясь продолжить обучение живописи. И больше не вернулась. В марте 1878 года она вышла замуж за молодого швейцарского бизнесмена по имени Эрнест Ньерикер и в ноябре следующего года родила девочку, которую назвала Луиза Мэй. Радость семьи длилась недолго. Ослабленная инфекцией, которой заразилась во время родов, Мэй Олкотт умерла 29 декабря 1879 года. Ребенка, которого прозвали Лулу, отправили в Америку, где Олкотт стала ее опекуницей. Осенью 1882 года Бронсон Олкотт перенес инсульт, сильно подорвавший его здоровье, и обязанности Луизы по отношению к родственникам снова возросли. Идеи для книг по-прежнему приходили в изобилии, но писать стало труднее. Годы использования неудобных стальных ручек искалечили ее правую руку; тогда она научилась писать левой. И все же хроническая болезнь и непрерывный поток повседневных хлопот отразились на скорости ее работы, теперь она писала мучительно долго, шла почти «черепашьим шагом». Несмотря на все это, Олкотт поставила перед собой задачу, которую была полна решимости довести до конца: закончить тетралогия «Маленькие женщины».

Луиза Мэй (Лулу) Ньерикер (1879–1975)

Олкотт начала работу над романом «Маленькие мужчины выросли» незадолго до инсульта отца. Полтора десятилетия назад, работая над «Маленькими женщинами», она писала в бешеном темпе, выдавая порой по главе за день. Двадцать две главы «Маленькие мужчины выросли» заняли у нее почти четыре года. Всей душой устав от этого предприятия, в последней главе книги Луиза призналась в желании вызвать «землетрясение, которое заглохило бы Пламфилд и все его окрестности и погрузило так глубоко в недра земли, что ни один юный Шли-

ман не смог бы найти и следа»¹²⁵. Пока публика жадно читала пятьдесят тысяч экземпляров первого издания, Олкотт тихо радовалась, довольная тем, что наконец-то избавилась от семьи Марч. В предисловии к книге она поставила дату 4 июля 1886 года, символически заявив, что наконец-то свободна и может не писать подростковые романы, которые теперь открыто осуждала как «моральную кашу для молодежи»¹²⁶. Она надеялась, что сможет найти время и здоровье, чтобы писать серьезные книги для взрослых, которые годами прокручивала в уме. В стремлении вернуть себе давно утраченное рвение она перепробовала почти все мыслимые методы лечения, от гомеопатии до психотерапии и опиума.

¹²⁵ Louisa May Alcott, *Jo's Boys, and How They Turned Out*, p. 364.

¹²⁶ Louisa May Alcott, *Jo's Boys, and How They Turned Out*, p. 50.

В последнее свое лето Луиза сделала эту последнюю фотографию. Она сидит рядом с актером и мастером художественного слова Джеймсом Эдвардом Мердоком (1811–1893)

Но было не суждено. К концу 1886 года хроническое заболевание вынудило ее поселиться в доме престарелых в Роксбери, штате Массачусетс, который она уместно назвала «Отдыхом святых». Большая часть ее дневника за 1887 год представляет собой хронику рецидивов ее болезни и постоянно возвращающейся депрессии. В конце зимы 1888 года окончательно ухудшилось здоровье ее отца. В последний раз Луиза пришла его навестить 1 марта. Он

лежал в постели, слабый, но с улыбкой на лице. Когда она спросила, почему он улыбается, он указал на небо и сказал: «Я иду туда. Пойдем со мной». Олкотт ответила: «Жаль, не могу»¹²⁷

¹²⁷ Matteson, *Eden's Outcasts*, p. 423.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.